

Информационно–аналитический журнал

с о в р е м е н н ы й
Иран

№33

июнь 2014

Информационно-аналитический журнал
Иран

№ 33
июнь 2014 г.

Свидетельство о регистрации ПИ 1 ФС77-41649
выдано Федеральной службой по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций
(Роскомнадзор) 12 августа 2010 г.

Редакционная коллегия

Раджаб Сафаров (Главный редактор)
Александр Проханов
Сергей Бабурин
Дмитрий Рюриков
Виталий Третьяков
Гейдар Джемаль
Максим Шевченко
Игорь Панкратенко (Шеф-редактор)

Адрес редакции

119049, Москва, Коровий вал, д. 7, стр. 1, оф. 6

В издании использованы фотоматериалы
ИТАР-ТАСС, РИА Новости, РИА Иран.ру

Содержание

Краткое содержание номера.....2	От сотрудничества Ирана и США в Ираке зависит судьба переговоров в Вене <i>Владимир Ефимов</i>27
Заговор молчания вокруг Ирана в ЕАЭС.....6	Российско-иранский южный коридор <i>Владимир Алексеев</i>31
Евразийский платежный союз <i>Раджаб Сафаров,</i> <i>Владимир Юровицкий</i>11	Перспективы российско-иранского газового взаимодействия <i>Владимир Ефимов</i>36
Турецкий марш Хасана Рухани Дарья Цилюрик.....21	Москва и Эр-Рияд: Слухи о перезагрузке сильно преувеличены.....40
Иран почти добился освобождения от санкций.....23	
Раджаб Сафаров: Санкции могут быть сняты с Ирана ускоренными темпами.....25	

Краткое содержание номера

16 июня в Вене открылся пятый раунд переговоров между Ираном и «шестеркой» международных посредников (постоянные члены СБ ООН и Германия). Срок, когда стороны должны окончательно достичь соглашения истекает 20 июля, а пока Иран активно работает на международной арене, являясь, вопреки надеждам Запада, все более активным участником наиболее значимых политических процессов. Активной внешней политике Исламской республики, актуальным вопросам политического и экономического взаимодействия Тегерана с остальным миром и посвящен очередной, 33-й номер нашего журнала «Современный Иран».

«В Иране верят в возможность достижения всеобъемлющего соглашения, которое положит конец дискуссиям вокруг ядерной программы, к 20 июля», — сказал Рухани на пресс-конференции, посвященной итогам первого года пребывания на посту главы государства. — «Оставшиеся разногласия могут быть урегулированы доброй волей и проявлением гибкости... В случае провала проиграют и та, и другая сторона». И это действительно так, поскольку от Ирана сегодня многое зависит не только на региональном уровне, но и в международном плане.

Одним из вопросов, где Иран мог бы сыграть положительную роль, безусловно, является Евразийский экономический союз, договор о создании которого был подписан 29 мая в Астане. По своим параметрам ЕАЭС пока никак не дотягивает для нового мирового «полюса» или же «центра силы», оставаясь региональным объединением. Преодолеть эту региональность можно, даже необходимо, но для этого нужно определить внешнеполитический вектор расширения влияния ЕАЭС, т.е. направление, куда будут нацелены усилия в поисках союзников и партнеров. Но во всех этих внешнеполитических конструкциях «кого еще интегрировать?», сопровождавших рождение ЕАЭС последние три года, присутствовал некий общий, но устойчивый момент — заговор молчания вокруг участия Ирана в качестве полноценного члена евразийского объединения. Об истоках и причинах столь странной ситуации — в материале *«Заговор молчания вокруг Ирана в ЕАЭС»*.

Говоря об экономическом пространстве, вполне очевидным было бы говорить и о платежных системах этого пространства, поскольку привязка к доллару изначально делает любое интеграционное объединение зависимым от США и его союзников. «Необходимо создать принципиально новую финансово-денежную конструкцию, и такой системой может стать Евразийский платежный союз — ЕПС», — считает автор материала *«Евразийский платежный союз»*, — «существуют хорошие перспективы расширения этой зоны и за пределы бывшего СССР. Особенно важно было бы присоединение к Евразийскому платежному союзу Ирана».

Но все, связанное с Евразийским экономическим пространством — вопросы, что называется, на перспективу. Не менее важным, а, пожалуй, что и — более принципиальным, является сейчас развитие крупных российско-иранских экономических проектов, поскольку именно в тесном экономическом сотрудничестве находится залог прочности наметившегося между

нашими странами стратегического партнерства. И Россия, и Иран готовы к полномасштабному экономическому партнерству по всем направлениям. Без всякого сомнения, это послужит серьезным импульсом для экономического развития обеих стран, укрепления их независимости от Запада. «Одним из наиболее перспективных из них может стать создание южного транспортного коридора — от побережья Индийского океана до Волги и далее в Европу. Подробности — в статье *«Российско-иранский южный коридор»*, автор которого особо подчеркивает: «Реализация подобного гигантского проекта откроет новые горизонты в мировой геополитике, внесет серьезные изменения в глобальную экономику, прежде всего в ее транспортную инфраструктуру».

Очевидно, что в определенной мере развитие российско-иранского сотрудничества зависит от того, как будут складываться переговоры Исламской республики с Западом, особенно — в ходе проходящего сейчас очередного раунда. Гендиректор Центра изучения современного Ирана и главный редактор журнала «Современный Иран» Раджаб Сафаров пояснил в беседе с корреспондентом издания «Вестник Кавказа», что решающим этот раунд считается неспроста: «Во-первых, до 20 июля, срока, к которому должно быть подписано всеобъемлющее соглашение по иранской ядерной программе, остается чуть больше месяца. В принципе, это предпоследний раунд, однако, если еще один раунд и будет проведен, то только из-за каких-либо форс-мажорных обстоятельств... Во-вторых, все стороны заинтересованы подписать это соглашение в срок. В частности, это приоритет нового иранского Кабмина и президента Хасана Рухани, который публично обещал народу Ирана, что сделает все для того, чтобы снять западные санкции». Подробности интервью — в материале *«Раджаб Сафаров: Санкции могут быть сняты с Ирана ускоренными темпами»*.

А поскольку время снятия санкций с Тегерана неминуемо приближается, то очень скоро иранская столица может стать новым местом паломничества политических лоббистов со всего мира, а страну быстро наводнят зарубежные инвестиции. Сейчас западные компании, потирая руки, ждут отмашки, и скоро они ее получат. Между тем у России на протяжении многих лет была уникальная возможность, практически без всякой конкуренции, крепко осесть на самых лакомых секторах иранского рынка. «Зная скорость, с которой способны действовать западные и азиатские деловые круги, России, пока ее не опередили, нужно уже сейчас приступить к самой плотной проработке вопросов участия российских государственных и частных компаний в освоении емкого и перспективного иранского рынка, причем делать это при мощном лоббировании со стороны высшего политического руководства обеих государств», — говорится в статье *«Перспективы российско-иранского газового взаимодействия»*. И пилотным проектом российско-иранского сотрудничества в этой сфере могло бы стать освоение месторождения «Южный Парс». Совместная работа Москвы и Тегерана на этой, поистине, «газовой жемчужине», считает автор материала, «способствовала бы созданию газовой оси Россия — Иран. Такая ось способна задавать тон на мировом газовом рынке, может диктовать свои условия с учетом того, что Форум стран-экспортеров газа со штаб-квартирой в Дохе показал свою несостоятельность и не стал тем механизмом, через который Москва и Тегеран могли бы проводить свои газовые интересы, включая образование цен на «голубое топливо» и квотирование его экспорта».

Но не только российско-иранское взаимодействие и совместные проекты определяют ситуацию вокруг Ирана. Значительную роль играют здесь и региональные события, и внешняя политика США. В частности, вооруженное восстание в Ираке, начатое радикальным суннитским движением «Исламское государство Ирака и Леванта» (ИГИЛ), к которому примкнули организация бывших баасистов и саддамовских офицеров «Накшбандия» во главе с бывшим «вторым лицом» при Саддаме Хусейне Иззатом Ибрагимом ад-Дури, некоторые суннитские племена западного и центрального Ирака, «Армия муджахеддинов» и ряд экстремистских организаций, вызвали сильную обеспокоенность в Тегеране, где давно сделали ставку в Багдаде на нынешнего шиитского премьер-министра Нури аль-Малики. При этом иранское руководство поняло и то, что, помимо потери Ирака, произойдет крушение давних планов по созданию шиитской дуги от Тегерана до Бейрута. А это, в свою очередь, послужит стратегическим интересам Саудовской Аравии — основному сопернику ИРИ в Персидском заливе и регионе в целом, и Израилю, который мечтает ликвидировать иранскую ядерную программу. И в Тегеране почти сразу же приступили к активным действиям на иракском направлении. Каким будет ответ Тегерана на наступление исламистов? Как иракский кризис может отразиться на переговорах по иранскому ядерному досье? На эти вопросы пытается ответить статья *«От сотрудничества Ирана и США в Ираке зависит судьба переговоров в Вене»*.

Активное участие Ирана в региональных делах в первую очередь направлено на развитие добрососедских отношений с соседями, пусть даже между ними и существуют разногласия по тем или иным вопросам. Иранский президент Хасан Рухани стал за последние 18 лет первым президентом Исламской республики, посетившим с официальным визитом Анкару. Курс на восстановление отношений, которые много лет оставались испорченными из-за разногласий по Сирии и Ираку, Анкара и Тегеран взяли еще в январе. Тогда в Иран приезжал премьер-министр Турции Реджеп Тайип Эрдоган, он встречался с Рухани и верховным лидером ИРИ аятоллой Али Хаменеи. Было подписано соглашение о торговых преференциях. С тех пор министры иностранных дел двух стран пересекались несколько раз. Теперь курс на урегулирование спорных вопросов продолжен на более высоком уровне. О подробностях этого визита и заключенных в ходе его договоренностей — в материале *«Турецкий марш Хасана Рухани»*.

И, безусловно, одним из самых серьезных событий прошедшего месяца, за которым пристально следили во всех мировых и ближневосточных столицах, стал визит российского министра иностранных дел Сергея Лаврова в Эр-Рияд. «Никакой «перезагрузки» или «размораживания» в российско-саудовских отношениях быть не может. Наши цели на Ближнем Востоке антагонистичны, и Ирак показал это как нельзя более ярко. Кризис в Ираке стал настоящим подарком для одряхлевшей саудовской династии, балансирующей на грани полного провала и утраты авторитета в исламском мире. Ее главный соперник в регионе, Тегеран, виртуозной дипломатической игрой добился выхода из международной изоляции, а значит вновь способен к наступательной внешней политике, к реализации концепции «исламского Пробуждения», которая для монархий Персидского залива означает только одно — утрату власти. Сегодня у саудитов появился шанс втянуть Иран в долгосрочный конфликт за сохранение шиитских святынь в Ираке и за обеспечение безопасности тех же иракских шиитов. И отработать этот шанс

они готовы на все сто, а то и двести процентов, подбрасывая в ближневосточный пожар миллиарды долларов», — говорится в статье *«Москва и Эр-Рияд: Слухи о перезагрузке сильно преувеличены»*, посвященной итогам этого визита. Антисирийская, антишиитская и, в конечном итоге, антииранская направленность саудовской политики всегда была достаточно очевидна. Но проблема для Эр-Рияда заключается в том, что слепо идя вслед за Вашингтоном, он не заметил серьезных изменений в регионе. Сохранение Сирии — это совместная операция Москвы и Тегерана. Удар по Ираку существенно затрагивает интересы и Тегерана, и Москвы, и Пекина, третьего участника альтернативного американскому курсу по стабилизации Ближнего Востока. Но, самое интересное, это то, что буквально через несколько дней после визита Сергея Лаврова в Эр-Рияд 10 российских истребителей Су-25К, приземлились в Ираке для нанесения ударов по финансируемым Саудовской Аравией отрядам террористов из Исламского государства Ирака и Леванты. Давненько такого не было. Это вполне достойное начало «принуждения к миру» Королевства, отказавшегося от мирного диалога, предложенного Москвой. И это еще одно доказательство того, что партнерство Тегерана и Москвы в деле стабилизации и безопасности граничащих с нашими странами регионов — продолжается!

Заговор молчания вокруг Ирана в ЕАЭС

Подписанный 29 мая в Астане договор о создании Евразийского экономического Союза, по сути, означает появление крупнейшего в мире после Евросоюза нового экономического объединения, раскинувшегося на огромной территории с населением в 170 миллионов человек. Это по истине историческое, эпохальное событие. Но, почему-то у многих возникло четкое ощущение некоей недосказанности и таинственности вокруг нового Союза.

Стороны шли к Договору о ЕАЭС более десяти лет. Столько же времени шла борьба двух идеологий этого интеграционного объединения. Представители одной точки зрения настойчиво добивались того, чтобы новое образование с самого начала носило максимально глубокий характер, вплоть до общей охраны границ и единых вооруженных сил. Выразителем второй точки зрения были, в первую очередь, политические элиты Казахстана, настаивавшие на том, что ЕАЭС является исключительно экономическим проектом.

Эта вторая точка зрения и победила в конечном итоге. Замглавы МИД Казахстана Самат Ордабаев с определенной гордостью отметил: «Мы ушли от политизации Договора, а значит и Союза, весь костяк — чисто экономическое взаимодействие. Благодаря последовательной позиции Казахстана из Договора были исключены такие вопросы, как общее гражданство, внешняя политика, межпарламентское сотрудничество, паспортно-визовая сфера, общая охрана границ, экспортный контроль и так далее».

И хотя главный переговорщик по интеграционным вопросам от России Игорь Шувалов изо всех сил пытался убедить казахскую сторону в том, что «в современном мире уже неплохо отработана схема сохранения государственной независимости и суверенитета параллельно с участием в экономических интеграционных объединениях», а российской стороне, по его словам, пришлось «потратить немало времени, убеждая казахстанских партнеров, что за предлагаемыми нами решениями не скрывается покушения на их суверенитет», преодолеть позицию Астаны так и не удалось.

Понятно, что любая интеграция требует массу времени. Евросоюз шел к нынешнему своему состоянию около сорока лет, и, похоже, для ЕАЭС потребуются десятилетия. Пока же интеграция предстает перед нами в достаточно усеченном виде, и, если откровенно, то особой разницы меж-

ду существовавшим Таможенным союзом и возникшим Евразийским союзом пока, по большому счету нет. Будем реалистами, возникло некое экономическое пространство, выигрывающее только размерами территории. Если ЕАЭС по площади входящих в него государств в 4,7 раз больше ЕС (20 млн 35,2 тыс. кв. км против 4 млн 271,6 тыс. кв. км. в ЕС), то по численности населения ЕС (505,6 млн человек) в 2,9 раза больше, чем в ЕАЭС (172,9 млн человек). Еще сильнее экономический разрыв: валовый внутренний продукт стран ЕС в 2012 году составил 13 трлн 068 млрд евро, приблизительно 25% мирового ВВП. Суммарный ВВП России, Белоруссии и Казахстана в 2012 году при перерасчете в евро составляет 2,2 трлн. евро, около 5% мирового ВВП, почти в 6 раз меньше ВВП Евросоюза.

Заговор молчания вокруг Ирана

По своим параметрам ЕАЭС пока никак не дотягивает для нового мирового «полюса» или же «центра силы», оставаясь региональным объединением. Преодолеть эту региональность можно, даже необходимо, но для этого нужно определить внешнеполитический вектор расширения влияния ЕАЭС, т.е. направление, куда будут нацелены усилия в поисках союзников и партнеров. И здесь возникает достаточно интересная картина. Всем памятны усилия Казахстана помешать превращению Таможенного союза в надгосударственное политическое объединение вроде СССР или ЕС, из-за чего Нурсултан Назарбаев высказывался против присоединения к Таможенному союзу Киргизии и Таджикистана, долго не соглашался с вхождением туда Армении, но при этом выступил совершенно неожиданно за принятие в ТС Турции.

Подобная инициатива казахского лидера вызвала откровенное удивление прежде всего в самой Турции, поскольку Анкара не подозревала, что хочет вступить в Евразийский союз и узнала об этом только от Назарбаева. Сегодня ситуация не менее интригующая, поскольку о возможности интеграции с третьими странами было сказано буквально следующее: члены нового союза договорились активизировать переговоры с Вьетнамом о создании зоны свободной торговли, укреплять взаимодействие с КНР, в том числе в сфере обмена информацией по товарам и услугам, а также сформировать экспертные группы по выработке преференциальных режимов торговли с Израилем и Индией.

Во всех этих внешнеполитических конструкциях «кого еще интегрировать?», сопровождавших рождение ЕАЭС последние три года, присутствовал некий общий, но устойчивый момент — заговор молчания вокруг участия Ирана в качестве полноценного члена евразийского объединения. Заговор, лежащий вне нормальной политической логики, поскольку исключать региональную державу, партнерство с которой является ключом к решению огромного количества проблем — от чисто экономических, вроде стабилизации газового рынка и создания инфраструктуры транспортных линий, до военно-политических, вроде «афганской угрозы» и присутствия внерегиональных держав в Южном Закавказье и на Каспии — это не просто непрофессионализм «интеграторов», это нечто более глубокое, скорее это патологическая боязнь мощи Ирана.

Иранский фактор в ЕАЭС

Иранский фактор в интеграционном процессе, даже в форме создания с Тегераном зоны свободной торговли будет означать:

Первое. Иран может стать крупнейшим торговым партнером ЕАЭС на Среднем Востоке и Центральной Азии, обширным рынком сбыта производимых в ЕАЭС машин, оборудования, транспортных средств, металлопродукции и пиломатериалов, то есть продукции высокого передела.

Второе. Через сотрудничество с Ираном ЕАЭС получит выход на рынки Среднего Востока и доступ к важнейшим транзитным маршрутам.

Третье. Зона свободной торговли с Ираном повлечет за собой присоединение к ней Пакистана и Индии, причем не искусственным, как сейчас — «через голову», а вполне естественным путем, в силу реалий и логики экономического развития региона.

Четвертое. Внутренний потребительский рынок ЕАЭС после создания этой зоны свободной торговли станет более устойчивым по отношению к экспансии китайских товаров, поскольку у них появится реальная конкуренция.

Пятое. Россия, Казахстан и Иран, действующие в рамках единой экономической стратегии и едином экономическом пространстве получают возможность осуществления крупных инфраструктурных проектов на Каспии, что является давно назревшей необходимостью.

Шестое. Зона свободной торговли с Ираном придаст ЕАЭС такой экономический вес и политический авторитет, что вслед за ним в эту структуру потянутся остальные страны Центральной Азии и ключевые государства исламского мира.

Седьмое. США и Запад в самое ближайшее время будут биться насмерть за привлечение Ирана в свою орбиту. Они прекрасно понимают, что имея в своем активе такую страну как Иран, могут создать невероятные трудности для России и стран Центральной Азии, могут помешать росту экономики Китая, лучше контролировать Ирак и Афганистан. Наоборот, статус зоны свободной торговли с Ираном или полноценное членство Ирана в ЕАЭС позволит вовлечь Иран в орбиту евразийского развития и поставить точку на планах США и Запада использовать иранский фактор для разрушения и ослабления России и стран Центральной Азии.

Откровенный шантаж России за лояльность в ЕАЭС

Выше перечислены только главные последствия включения или не включения Ирана в интеграционные планы, и то только в основном экономическая их часть, поскольку при возникновении блока «ЕАЭС + Иран» даже архитектура региональной безопасности начнет выглядеть совершенно по-иному и процесс интеграции пойдет гораздо быстрее, и это отчетливо понимают на Западе.

Главный аргумент противников привлечения Ирана к интеграционным процессам (и в ЕАЭС, и в ШОС) заключается в том, что подобная форма

сотрудничества вызовет негативное отношение Запада. Начнем с того, что Запад любые интеграционные процессы на постсоветском пространстве, происходящие не под его руководством, воспримет враждебно. Это — во-первых. А во-вторых участие Ирана опасно псевдоинтеграторам, стремящимся кастрировать смысл и цель объединения, тем, что создаст существенный барьер для их неуместных капризов, откровенного шантажа и вымогательства из России дополнительных преференций, которые иначе как платой за лояльность не назовешь.

Участие Ирана в интеграционных процессах опасно для Запада еще и потому, что в этом случае все рычаги, в первую очередь экономические, которые те же Вашингтон и Брюссель использовали для давления на Тегеран, окажутся бесполезными. Более того, развитие ЕАЭС получит совершенно иную динамику. Поскольку «колеблющиеся в выборе ориентации» и в отношении к этому Союзу страны начнут делать все, чтобы не упустить выгоды от партнерства с этим новым образованием, включающим в себя динамичные экономики и имеющим стратегические отношения с двумя ведущими антизападными государствами — Китаем и Ираном.

Членство в ЕАЭС — насколько это нужно Тегерану?

Выдвигая аргумент о том, что участие Ирана в интеграционных процессах вызовет недовольство Запада (можно подумать, что сейчас они нами довольны), псевдоинтеграторы забывают о том, что этот самый Запад уже давно принял решение об окончательной приватизации части постсоветского пространства, что еще раз подтвердил недавно еврокомиссар по вопросам расширения Евросоюза и европейской политики Штефан Фюле, высказавшийся за принятие Украины, Молдавии и Грузии в ЕС на правах полноправных членов: «Если мы всерьез хотим трансформировать государства Восточной Европы, мы обязаны воспользоваться самым мощным инструментом, имеющимся в нашем распоряжении — расширением».

Для них, на Западе, необходимость расширения ЕС, а за ним — и НАТО, сомнения не вызывают. У нас — каждый очевидный шаг вызывает панические опасения: «Одобрят ли на Западе? Не рассердятся ли?» Иран может стать мощным активом интеграционных процессов на евразийском пространстве, добавив свой экономический, научный и оборонный потенциал в «общую копилку», приведя за собою еще «колеблющиеся», но уже стремящиеся выйти из-под власти доллара страны и их рынки.

Но активное участие Тегерана возможно только при условии первых встречных шагов из «трех столиц»: Астаны, Москвы и Минска. Поскольку, будем реалистами, при всех выгодах, которые Иран может получить, активно участвуя, пусть и в особом статусе, в интеграционных процессах, он может понести и существенные потери. Во-первых, далеко не все в Иране воспринимают Россию, а с ней и ЕАЭС, как надежного партнера для долгосрочных отношений. Во-вторых, Тегеран отчетливо понимает, что его участие вызовет активное противодействие псевдоинтеграторов на постсоветском пространстве, которые саму идею интеграции используют исключительно как пропагандистский лозунг и совершенно не намерены воплощать его в реальность. Участие Ирана в ЕАЭС помешает им чувствовать себя комфортно, дальше шантажировать Россию и выкачивать из нее новые мил-

лиарды долларов за лояльность в этом Союзе. И, в-третьих, в Иране прекрасно понимают, что любые реальные движения в сторону ЕАЭС вызовут новый всплеск враждебности в отношении Тегерана, вплоть до полного срыва наметившихся договоренностей по иранскому «ядерному досье» даже в рамках группы 5+1.

Подписание итогового документа о создании ЕАЭС — кульминация интеграционного процесса на современном этапе. Тревожный звонок, сокращение объемов торговли внутри Таможенного союза на 12,6%, дает все основания предполагать, что быстрый экономический эффект уже исчерпан, что из-за экономических и политических разногласий, нарастающего противостояния политических элит, процесс будет все больше пробуксовывать. В отличие от Евросоюза у наших стран нет сорока лет, никто нам их не даст, а потому для дальнейшей интеграции нужна «шоковая терапия», нужен мощнейший импульс, шаг, задающий новую динамику. Партнерство ЕАЭС с Ираном вполне может стать таким импульсом, тем толчком, который выведет интеграцию на новый уровень, придаст ей не региональный, а уже мировой уровень. По большому счету, единственное, что для этого необходимо — политическая воля и отсутствие страха перед Западом.

Раджаб Сафаров, Владимир Юровицкий

Евразийский платежный союз

В мире все больше и больше становятся интересными идеи объединения. В настоящее время создано более десяти экономических и политических объединений и ассоциаций стран. Это тренд современного развития. Но экономика, да и политика и иные сферы общественной жизни обслуживаются и управляются деньгами. Именно деньги есть в современном мире главная управляющая и контролирующая сила. И во всех этих ассоциациях и объединениях проблема денег стоит очень остро. Во всех из них существует желание создать собственную региональную платежную систему. Но, увы, пока в большинстве таких объединений это до сих пор остается только мечтой.

Почему не создаются региональные платежные системы

Вопрос состоит в том, почему же, несмотря на столь активно высказываемые желания, до сих пор эти платежные региональные системы не созданы. В настоящее время существует две наднациональные платежные системы. Первая наднациональная платежная система представлена Ямайской валютной системой. В этой системе в качестве наднациональных денег используются национальные деньги некоторых стран. Теоретически могут использоваться деньги ЛЮБЫХ стран. Потому что пока НИКАКИХ международных договоров или соглашений на используемые для этих целей валюты не существует. Любые страны в своих платежных взаимоотношениях могут использовать денежные средства любых стран, хоть США, хоть Монголии. В этом принципиальное отличие Ямайской валютной системы от ее предшественницы — Бреттон-Вудской валютной системы, в которой было конституцировано использование единственной валюты в качестве мировой валюты — доллара США. В настоящее время доллар США, де-юре, ничем не выделяется из ряда национальных валют, но де-факто, он продолжает оставаться наднациональной платежной системой. Использование доллара в качестве платежного средства не требует никаких отношений с США. Доллар США используют все страны и субъекты — от друзей США до их непримиримых врагов, таких как Аль-Каида или Талибан.

Доллар США на мировой арене является РЕЗЕРВНОЙ валютой. Есть круг выделенных стран, которые могут приобрести доллары для целей мировой торговли за собственные деньги на мировом валютном рынке. Но подавля-

ющее большинство стран могут приобрести это мировое платежное средство на мировом товарном рынке исключительно в обмен на собственные ценности и продукты. Причем для предоставления доллара США достаточно завести в своем главном банковском учреждении только запись о «наличии» у США этих денег — эмиссионную запись. И они уже обогатились на несколько триллионов долларов, на которые они могут скупать любые товары по всему миру. А другие страны создают «резервы», т.е. запасают доллары на своих счетах, тратя на это собственные ценности и богатства. Таким образом, Ямайская валютная система есть система грабежа прежде всего стран третьего мира.

Итак, первая наднациональная платежная система — Ямайская валютная система на базе национальных денег избранных стран — есть система межстранового платежного общения при сохранении внутренней национальной платежной системы, в которую могут включаться любые страны и агенты, не имея никаких договорных отношений с владельцем национально-мировой валюты, не нуждаясь в согласии от нее. И страна-владелец национально-мировых денег не имеет никаких обязательств перед ее пользователями за исключением обязательства принимать эти деньги в качестве средства платежа на своей территории.

Вторая наднациональная платежная система представлена денежной системой Европейского Союза с единой валютой евро. В этой системе евро есть не только наднациональная валюта в рамках ЕС, но и внутренняя валюта членов ЕС. И здесь уже страны включаются в состав Союза на договорной основе на базе длительного приспособления страны к требованиям, правилам и регламентам Союза.

Итак, мы видим, что современный мир создал две системы наднациональных денежных систем. Одна система, на базе резервных валют, не предъявляет в участникам НИКАКИХ требований, и страны включаются в нее по собственному желанию, согласия на это страны владельца национально-мировых средств не требуется. Ее порок состоит в эксплуатации (грубо, ограблении) стран-пользователей. Вторая система на базе денег, являющихся одновременно и наднациональными, и национальными, основана на договорных основах, которым предшествует длительный процесс глубоких преобразования экономики и даже социальной сферы под требования Союза. При этом члены этого союза теряют значительную, если не большую часть своего суверенитета и попадают под фактическое управление союзными наднациональными органами. Правда, ранее в эпоху европейского валютного союза существовала и третья система межстрановых платежных отношений через национальные валюты стран Союза. Но для этого необходима свободная конвертируемость всех валют и их независимая оценка на мировом валютном рынке. Если страны не обладают СК-валютами, этот механизм не пригоден или может применяться только ограниченно.

Как Россия пытается создать региональную валютную систему

Россия уже более десяти лет рассматривает пути создания региональной платежной системы в рамках создававшихся с ее участием экономических объединений. В рамках ЕврАзЭС еще в 2005 году в решении — 220 на уров-

не глав государств была поставлена задача достижения полной конвертируемости национальных валют и формирование платежно-расчетной системы с использованием национальных валют. Фантастичность этой задачи стала очевидной достаточно скоро, и от этой идеи отказались. Дальнейший путь решения задачи создания наднациональной платежной системы в рамках ЕврАзЭС был поставлен Д.Медведевым в бытность его Президентом России в виде превращения рубля в резервную валюту. Но этот путь также был оставлен ввиду своей несбыточности. Кому нужен рубль, что на него можно купить кроме нефти и чугуна? На такой экономике не делают резервную валюту. Использование рубля для продажи, к примеру, энергоресурсов лишь будет плодить нахлебников, выпрашивающих рублевые кредиты (что вам стоит напечатать?!). Без отдачи и лишь плодящее злобу к России, потому что отдавать (свой) никому не охота.

Сейчас распространено мнение, что нужно создавать валютное объединение на единой валюте (алтын(?)) по европейскому типу. Но это путь в десятилетия, потому что и терять только что полученный суверенитет наши «друзья» явно не желают, и притирка экономических и социальных условий займет десятилетия. Но этого времени ни у России, ни у стран Евразии нет. Таким образом, ничего из рассмотренных вариантов валютной интеграции для России и евразийского пространства не пригодно. Но проблема имеет более широкое общепланетарное звучание. Ведь ни в одном из экономических объединений, объявивших о своем желании создать собственную региональную платежную систему, этого сделать до сего времени не удалось. Напоминаем, что современная наука и финансовая практика предоставляет два варианта такого объединения — Ямайский на базе резервной валюты и европейский на базе интегральной внутренней и внешней валют. Но Ямайская грабительская система уже достала всех. А европейская требует слишком большого времени и практически отказа от суверенитета.

Необходимо создать принципиально новую финансово-денежную конструкцию, которая сочетала бы в себе ямайскую легкость внедрения без фактора эксплуатации, и европейскую избранность, но без потери суверенитета. Оказывается, что современный уровень денежных и коммуникационных технологий уже позволяют создать такую систему, которая была невозможна еще десять-двадцать лет назад.

Евразийский платежный союз

Такой системой может стать Евразийский платежный союз — ЕПС. Основное условие вступление в этот Союз — использование в межгосударственном платежном общении между любыми его членами исключительно российских рублей. Никаких иных условий к его членам не предъявляется — ни экономических, ни политических. Члены Союза могут иметь любую экономику — рыночную или нерыночную, быть демократическими или тоталитарными — все это не играет НИКАКОЙ роли. Членство в ЕПС не ограничено никакими географическими границами. Если, к примеру, Эквадор или какое-нибудь государство Полинезии пожелает вступить в ЕПС — пожалуйста, имеет полное право. Если член любого блока или объединения захочет вступить в ЕПС — тоже нет возражений. Это абсолютно открытая, за исключением указанного выше ограничения, структура.

В членах ЕПС рубль превращается в такую же валюту для осуществления внешнеэкономической деятельности, как доллар или евро. Особенность его только в том, что внешнеторговая деятельность на основе российского рубля ограничивается исключительно членами ЕПС. Высшим органом ЕПС является Совет Президентов стран — членов ЕПС. Он может собираться, к примеру, раз год или раз в два года. Создаются также какие-то исполнительные органы в минимальном объеме, либо исполнительные функции перекладываются на страну, в которой на данный год запланировано проведение Совета Президентов. Последнее условие: вся межстрановая торговля идет не только за рубли, но и исключительно за безналичные рубли, т.е. по счетам.

Главным органом межстранового денежного обращения в ЕПС является Центральный Евразийский рублевый банк — ЦЕАРБ. В ЦЕАРБ открываются рублевые корреспондентские лоросчета всем центральным банкам стран — членов ЕПС. Иных счетов, за исключением специальных, о которых речь пойдет дальше, у него нет. Ни организации, ни правительства, ни частные лица в нем не могут иметь счетов. ЦЕАРБ является чисто расчетным банком. Он не выдает никому кредиты, не имеет никакого уставного капитала, не создает никаких резервов, не выпускает облигаций или векселей, не ведет никакой финансовой или экономической деятельности. Другими словами, это полностью безактивный банк. Никаких активов у него нет. Все межстрановые платежи осуществляются исключительно через ЦЕАРБ. Таким образом, вся банковская деятельность ЦЕАРБ сводится к учету движения рублевых средств между странами, фактически, к переписывания денежных средств с одного лоросчета на другой.

ЦЕАРБ связан широкополосными линиями электрической связи со всеми центральными банками. Это могут быть оптоволоконные линии связи либо спутниковые каналы. За эти каналы отвечают центральные банки участников ЕПС, они и оплачивают их содержание. Каждая из стран участниц прокладывает, арендует или иным образом организует канал широкополосной электрической связи от своего центрального банка до ЦЕАРБ и отвечает за достоверность информации, передаваемой по нему.

Где же выбрать место дислокации этого банка? Думается, что ни в коем случае не в России. Астана — столица Казахстана — лучшее место. Этим самым Россия покажет, что в ее помыслах нет и тени гегемонизма. Но рабочим языком ЦЕАРБ объявляется русский язык. И это понятно, он известен всем на евразийском пространстве. И он может стать межгосударственным языком евразийского денежного общения.

Вот теперь мы и можем сказать, почему во времена Бреттон-Вудса нельзя было создать подобную систему. Не было тогда технических средств, которые позволили бы через одну или несколько проволок пропустить весь международный платежный трафик. А сейчас он есть. Существование ЦЕАРБ было бы просто невозможно еще двадцать лет назад. А сейчас в эпоху гигабитных каналов это стало возможным. Рубль, который находится на счету в ЦЕАРБ, не простой. Это рубль, на который можно осуществлять международные расчеты в рамках ЕПС. И по аналогии с евродолларом его можно назвать «евразрубль». Рубль, находясь на счетах в российских банках, есть просто рубль. Но попадая на счет ЦЕАРБ, он становится уже евразрублем. Это полностью аналогично тому, как обычный доллар превращается

в евродоллар, выйдя за пределы США. И сколько бы рублей ни было в России, осуществлять покупки в странах ЕПС Россия, точнее, обладатели рублевых счетов в российских банках, могут только на евразрубль, объем которых определяется размером корреспондентского лоросчета Банка России в ЦЕАРБ.

Этим ограничивается возможности России использовать свои рублевые средства для осуществления покупок и рублевых капиталовложений за рубежом. Долларовая система не имеет таких ограничителей. США могут вывезти за границу столько долларов, сколько их способен принять мир. В данной модели есть ограничитель. Для этого и требуется пропускать все рубли за границу России через одно единственное окно виде лоросчета ЦБР в ЦЕАРБ. Поэтому и возникает необходимость осуществлять все межстрановые платежи через этот банк.

Ясно, что в ходе межстрановой торговли евразрублевые счета в ЦЕАРБ будут находиться в постоянном движении. Кто больше продает, тот и будет иметь больший евразрублевый счет, и, в свою очередь, может осуществлять и больше закупок на евразийском пространстве. Причем евразрубль не имеют «памяти». Евразрубль, полученный, к примеру, Арменией из Казахстана, она может потратить на покупку, к примеру, газа у России, а Россия, в свою очередь, может его потратить в Украине. Т.е. между всеми странами ЕПС начинается оживленная торговля. Если же вдруг в какой-то стране кончатся евразрубль — обнулится счет в ЦЕАРБ, то эта страна уже не сможет осуществлять никаких закупок в других странах ЕПС. Ведь ЦЕАРБ кредитов не дает, овердрафт по лоросчету не представляет. ЦЕАРБ просто отрезает все возможности совершать покупки.

Откуда страна сможет взять евразрубль? Возможны следующие пути пополнения счета евразрублей:

1. Продать свои товары другой стране — члену ЕПС.
2. Продать свою собственность другой стране — члену ЕПС.
3. Получить кредит от одной из стран — членов ЕПС.

Отметим, кредит в евразрублях можно получить только у страны, но не у ЦЕАРБ. В любом случае пополнение этого счета будет происходить за счет уменьшения евразрублевого счета других стран. Евразрубль не исчезают и не возникают в ходе обычной торговой деятельности стран ЕПС. Они только перемещаются из одной страны в другую, с одного счета в ЦЕАРБ на другой. Вот почему правительства стран ЕПС должны постоянно контролировать состояние лоросчета своего центрального банка, и заблаговременно принимать стимулирующие меры, которые позволили бы пополнить этот счет.

Но откуда возьмутся начальные евразрубль у стран — членов ЕПС? Нужно ли будет их «покупать» у России? Нет, начальный «капитал» в евразрублях каждая из вступающих в ЕПС стран получает абсолютно бесплатно. Как только страна вступает в ЕПС, ей автоматически открывается евразрублевый счет в ЦЕАРБ, на котором уже записана некоторая сумма евразрублей. Эта сумма определяется квотным механизмом. Таким образом, никаких средств или ресурсов тратить на подсоединение к системе евразрублевой торговли не надо. В этом также принципиальное отличие от Бреттон-Вуд-

ского механизма, в котором никому долларов даром не давалось, разве что избранным странам по плану Маршалла.

Что же представляет собой квотный механизм, т.е. чем определяется начальная евразрублевая квота страны? Понятно, что это очень важный вопрос. Проблема эта не простая. И возможно несколько способов построения квотного механизма. Например, на основании характеристики «экономическая мощь» страны. Но вычислить ее очень сложно, хотя это и было бы логично. На наш взгляд, гораздо проще квоты определять по численности населения. Т.е. установить квоту на одного жителя ЕПС. И в соответствии с численностью страны ей и начисляется начальная квота. Например, если установлена начальная квота 1000 рублей на человека, то при численности населения страны в 20 миллионов жителей, ее начальная квота составит 20 миллиардов рублей. Очень неплохая сумма для «раскрутки».

Единственное условие при этом состоит в том, что начальная квота ни одной страны не может превышать сумму начальных квот всех остальных стран. Например, если начало ЕПС положат всего две страны, например, Россия и Беларусь, то каждой стране будет начислено по 10 млрд евразрублей. При подключении Казахстана ему будет начислено примерно 15 млрд рублей, и такую же сумму добавят и России. И так при каждом подключении нового члена России будут добавлять сумму, равную квоте подключаемого члена, пока общая сумма России не достигнет ее квотной величины — порядка 142 млрд руб.

Как же определить размер начальной квоты? Для этого можно воспользоваться общим законом денежного обращения. Необходимо определить или оценить объем годового товарооборота между странами ЕПС и разделить его на среднюю длительность цикла обращения денег. Это даст общую необходимую массу евразрублей. Эту денежную массу разделить на численность населения в ЕПС, и мы и получим размер начальной эмиссионной квоты на человека. По мере развития внутреннего товарообмена и роста экономик стран ЕПС могут периодически осуществляться дополнительные эмиссии.

Заметим, что господствующий нынче в западной экономической науке монетаризм целиком основан на так называемой «количественной теории денег». А по определению основоположника монетаризма лауреата Нобелевской премии Милтона Фридмена «Количественная теория — это, прежде всего теория спроса на деньги». И вот теперь впервые эту центральную проблему количественной теории денег и самого монетаризма можно будет решить на строго научной основе путем прямых действий, прямой эмиссией, а не косвенными средствами управления спросом на деньги.

Но мы видим главное — никаких односторонних преимуществ Россия как резидент общей валюты не получает, начальное количество евразрублей у нее определяется только квотой, а не тем количеством, которое ходит в самой российской экономике. Этим самым международная рублевая денежная система резко отличается от международной долларовой, в которой резидент — США — получает громадные односторонние преимущества за счет пользователей этой валютой.

Евразрублями страны могут платить России и за энергоносители — нефть и газ. При этом всякие кредиты уже отменяются, Россия переходит полно-

стью на рыночные отношения с получателями ее энергоресурсов. Естественно, что цены на них могут отличаться от цен для стран Запада. И, кроме того, получателям энергоресурсов гораздо легче заработать евразрубля, чем доллары. Многие товары, производимые на евразийском пространстве, практически не нужны ни Европе, ни другому миру, никому, кроме России и другим странам СНГ. Ясно, что это вызовет экономический подъем в этих странах. И Евразийский платежный союз начнет быстро развиваться и преодолевать развал своих экономик. Причем свободно конвертируемую валюту эти страны уже могут использовать целиком на рынках высокоразвитых стран, например, для модернизации своей промышленности.

В России рубль — национальная валюта. В других странах ЕПС рубль становится обычной нерезидентной валютой аналогично доллару и евро. И потому все проблемы, связанные с функционированием евразрубля, в них решаются в рамках национального валютного регулирования. Каждая из валют используется специфически. Рубль для евразийского пространства, евро для Европы, доллар — для остального мира. Так что ничего особенно нового при появлении евразрубля не возникает. Более того, во многих странах СНГ рубль уже де-факто используется в качестве нерезидентной валюты. Курс рубля (по отношению к национальной валюте) каждая из стран-участниц устанавливает самостоятельно. Точно так же, как и курс доллара и евро. Но в дальнейшем, по мере роста интеграционных программ, возможно уже и согласование этих курсов.

Как же конкретно будут осуществляться платежи между денежными лицами различных стран — членов ЕПС? Очевидно, что все операции должны осуществляться без вмешательства человека, автоматически. При этом в ЦЕАРБ деньги только перемещаются между пассивными счетами, но никакого изменения сальдо этого счета не происходит. При всех платежных операциях сальдо пассива остается неизменным. Оно может изменяться только при проведении эмиссионных операций, которые могут осуществляться исключительно по решению Высшего Совета ЦЕАРБ. Сам банк эмиссию проводить не имеет права. Финансирование деятельности ЦЕАРБ осуществляется путем обложения операций, проходящих через этот банк в некотором проценте, например, в размере 0,1% от суммы проходящего платежа. Эта сумма снимается с пересылаемого счета и направляется на рублевый счет банка в некотором коммерческом или ином банке страны пребывания. В самом ЦЕАРБ счета банка нет.

Отметим, что именно эту платежную схему предлагает Межгосударственный банк. Только в его схеме в Межгосударственном (Евразийском) банке еще предполагается проводить конвертацию валюты плательщика в валюту получателя платежа. Конечно, это совсем не реалистично, так как нет объективной независимой от самих государств оценки стоимости (курсов) валют. В ЦЕАРБ могут также создаваться общесоюзные фонды. Например, фонд помощи странам ЕПС при чрезвычайных обстоятельствах — землетрясениях, наводнениях и т.д. Или, например, фонды развития. Этот фонд используется для развития в некоторой стране каких-то производств, которые необходимы всем или многим странам-участникам, и т.д. Фонды могут создаваться на чисто эмиссионной основе путем эмиссии необходимых денежных средств решением Высшего Совета или на основе некоторых отчислений типа того, что осуществляются для оплаты расходов самого банка.

Организация ЕПС может начаться даже с двух стран, например, России и Беларуси. Но, видимо, лучше сразу же привлекать и Казахстан, Армению и те страны, которые первыми пожелают присоединиться. Начальные квоты, пока система не разовьется, могут быть сравнительно небольшими. По мере присоединения других стран и развития оборота евразрублей могут происходить дополнительные их эмиссии. При запуске могут появиться проблемы у российских пользователей, вполне возможно, что сразу же появится слишком много российских компаний, желающих воспользоваться евразрублевым механизмом, ведь рублей у россиян много, и евразрублей на счете ЦЕАРБ окажется недостаточным, и этот счет быстро исчерпается. В этом случае можно воспользоваться чисто экономическим механизмом регулирования этой активности. Владельцем канала связи между Банком России и ЦЕАРБ является Банк России. И за пользование этим каналом он может брать плату в виде некоторого процента от пересылаемой суммы. Изменяя размер этих коммуникационных платежей, Банк России может регулировать активность движения денег в обе стороны. Этим путем можно поддерживать объем счета в определенных пределах. При снижении его размера увеличивать размер платежа за пересылку денег за пределы России и уменьшать размер оплаты за пересылку в сторону России, уменьшая этим привлекательность покупки за пределами страны и привлекательность продаж российских товаров. При избыточности этого счета регулировка идет в обратном направлении.

В других странах при наличии свободного рынка евразрублей с рыночным установлением их цены регулировка будет происходить автоматически через валютный курс евразрублей. Уменьшение счета страны в ЦЕАРБ вызовет увеличение курса евразрублей на рынке, увеличение счета — падение курса. Наличие открытой информации о счетах в ЦЕАРБ делает это регулирование весьма эффективным.

Движение наличных рублей

Движение наличных рублей в странах, где рубль нерезидентная валюта, организуется так же, как и наличных долларов или евро. Наличные рубли накапливаются в банках, занимающихся обменом рублей на резидентную валюту, и при избытке обмениваются на безналичные евразрубли в собственном центральном банке. Центральный банк в свою очередь предъявляет их для обмена Банку России. Последний обменивает их на евразрубли. Таким образом, наличные деньги, привозимые, прежде всего, туристами становятся еще одним важным источником пополнения евразрублей. Это позволит интенсифицировать гуманитарные контакты между странами бывшего СССР, так как рубли все-таки легче получить, чем доллары. Ведь имея доллары, люди предпочитают поехать не в Грузию или Киргизию, а в Турцию или Италию. А за рубли евразийцы станут вновь посещать старые излюбленные места отдыха на Иссык-Куле, в Бакуриани, в Закарпатье и т.д. Это вызовет расцвет туристического бизнеса в странах ЕПС. Так как долларовые места отдыха оказываются отделенными от рублевых, то и конкуренция между ними станет не такой острой, как сейчас, что препятствует развитию туристической индустрии во многих замечательных местах Евразии. Турист с рублем станет желанным, за него станут бороться. А уже вслед

за рублевым туристом, возможно, потянутся и долларовые, и евротуристы. Рублевый туризм может стать лесенкой, по которой легче войти в мировой туристический бизнес. Сейчас же это такая высота, которую со скромного советского сервиса сразу просто не преодолеть.

Ассоциированное членство

По мере развития зоны евразубля и другие страны пожелают торговать на рубли со странами ЕПС. Действительно, той же Балтии трудно найти спрос на свою продукцию в Европе, но в странах СНГ он может пользоваться спросом. Но так как они находятся вне зоны евразубля, то они будут вынуждены продавать свою продукцию за евро или доллары, а это резко уменьшит спрос на нее. И им самим было бы интереснее покупать, к примеру, энергоресурсы за рубли, чем за евро. Но в то же время они не хотят или просто не могут войти в ЕПС, так как входят уже в Европейский Союз.

Для таких стран можно предложить ассоциированное членство. Ассоциированный член имеет право торговать со странами ЕПС за рубли, но обязанности уже нет. Ассоциированному члену открывается счет в ЦЕАРБе, но безвозмездная рублевая квота не полагается. Вполне возможно, что в качестве ассоциированных членов могли бы стать страны Балтии, некоторые из стран бывшего СЭВа — Болгария, Венгрия и др., так как это открывало бы их продукции дорогу на крупный евразийский рынок. Ассоциированными членами, а некоторые и полными, могли бы стать и другие евразийские соседи — Иран, Турция, Афганистан, Монголия, даже не исключено, что и Китай пожелает как-то присоединиться к этому платежному пространству. Таким образом, существуют хорошие перспективы расширения этой зоны и за пределы бывшего СССР. Особенно важно было бы присоединение к Евразийскому платежному союзу Ирана.

Иранский фактор в ЕПС

Первое. Иран может стать крупнейшим торговым партнером ЕПС на Среднем Востоке и в Центральной Азии, обширным рынком сбыта производимых в ЕПС машин, оборудования, транспортных средств, металлопродукции и пиломатериалов, то есть продукции высокого передела.

Второе. Через сотрудничество с Ираном ЕПС получит выход на рынки Среднего Востока и доступ к важнейшим транзитным маршрутам.

Третье. Зона свободной торговли с Ираном повлечет за собой присоединение к ней Пакистана и Индии, причем не искусственным, как сейчас — «через голову», а вполне естественным путем, в силу реалий и логики экономического развития региона.

Четвертое. Внутренний потребительский рынок ЕПС после создания этой зоны станет более устойчивым по отношению к экспансии китайских товаров, поскольку у них появится реальная конкуренция.

Пятое. Россия, Казахстан и Иран, действующие в рамках единой экономической стратегии и едином экономическом пространстве получают возможность осуществления крупных инфраструктурных проектов на Каспии, что является давно назревшей необходимостью.

Шестое. Зона свободной торговли с Ираном придаст ЕПС такой экономической вес и политический авторитет, что вслед за ним в эту структуру потянутся остальные страны Центральной Азии и ключевые государства исламского мира.

Седьмое. США и Запад в самое ближайшее время будут биться насмерть за привлечение Ирана в свою орбиту. Они прекрасно понимают, что имея в своем активе такую страну как Иран, могут создать невероятные трудности для России и стран Центральной Азии, могут помешать росту экономики Китая, лучше контролировать Ирак и Афганистан. Наоборот, статус зоны свободной торговли с Ираном или полноценное членство Ирана в ЕПС позволит вовлечь Иран в орбиту евразийского развития и поставить точку на планах США и Запада использовать иранский фактор для разрушения и ослабления России и стран Центральной Азии.

Итак, Россия может предложить свой проект объединения Евразийского пространства, в котором главной объединяющей силой будет интерес и польза всех стран. И эта новая объединенная Евразия сможет начать движение в новую реальность, перевернет старую страницу и откроет новую. Роль России не гегемона, а защитника интересов всех, не руководителя, а лишь ведущего. И это повысит роль России в мире и укрепит ее безопасность.

Дарья Цилиурик

Турецкий марш Хасана Рухани

Хасан Рухани стал первым президентом Исламской Республики Иран (ИРИ), посетившим Турцию с официальным визитом за 18 лет. Стороны подписали несколько соглашений об экономическом сотрудничестве и договорились взаимодействовать в области региональной безопасности. Между тем многое зависит от переговоров в Вене, так как основной помехой для развития отношений между Тегераном и Анкарой по-прежнему являются международные санкции против ИРИ.

Курс на восстановление отношений, которые много лет оставались испорченными из-за разногласий по Сирии и Ираку, Анкара и Тегеран взяли еще в январе. Тогда в Иран приезжал премьер-министр Турции Реджеп Тайип Эрдоган, он встречался с Рухани и верховным лидером ИРИ аятоллой Али Хаменеи. Было подписано соглашение о торговых преференциях. С тех пор министры иностранных дел двух стран пересекались несколько раз. В ходе визита Рухани, проходившего в понедельник и вторник, стороны продолжили усилия в том же направлении, поставив подписи под документами, касающимися торговли и энергетики и призванными к концу 2015 года довести товарооборот до 30 млрд долл., то есть удвоить его. Рухани приехал в сопровождении более 100 бизнесменов, семи министров и главы иранского Центробанка Валиуллаха Сейфа.

В частности, обсуждалась возможность расширения поставок иранского природного газа в Турцию. Эрдоган сказал, что это возможно, если удастся снизить цену. Министрам энергетики двух стран поручено работать над этим вопросом. Напомним, газовый спор между Тегераном и Анкарой длится не первый год и связан с тем, что Турция считает иранский газ необоснованно дороже российского и азербайджанского. В 2012 году Анкара обратилась с претензиями в Международный арбитражный суд. «Мы решили улучшить отношения по газу, нефти и электричеству, даже несмотря на некоторые шероховатости», — отметил Рухани, назвав происходящее поворотной точкой в двусторонних отношениях. «Надеюсь, мы достигнем согласия и сможем поставлять больше иранского газа турецким потребителям», — добавил Эрдоган. — Надеюсь, наши министры быстро договорятся».

«Турецко-иранские отношения получили новый импульс после избрания Рухани, — уверен эксперт по Ирану, профессор университета «Йылдырым Беязыт» (Анкара) Байрам Синкая турецкому изданию Daily Sabah. — Анкара стала считать уходящее правительство Ахмадинежада дестабилизи-

рующим регион. Кроме того, напряженные отношения между Ираном и западными странами, а также жесткая конкуренция между Ираном и Саудовской Аравией препятствовали Турции строить отношения с Ираном. В отличие от предшественника, Рухани обещал сдержанность и содействие региональной стабильности. Более того, Рухани говорит на том же языке, что и руководство Партии справедливости и развития, в смысле «обоюдно выгодной политики», взаимозависимости, региональной стабильности, экономического процветания и т.д.».

Эрдоган назвал международные санкции против Ирана несправедливыми и упрекнул Запад в том, что, несмотря на бескомпромиссный тон политиков, некоторым компаниям было позволено заниматься бизнесом в ИРИ. «Сегодня продукция Запада и развитых стран поступает в Иран тем или иным путем, так почему же наша продукция не поступает в Иран? — сказал турецкий премьер. — Для нас это важный рынок». До недавнего времени Анкара прибегала к уловке и расплачивалась за иранский природный газ золотом, так что еще в 2012 году товарооборот между странами составлял 22 млрд долл. Затем Вашингтон ужесточил санкции, устранив лазейку, и в 2013 году товарооборот упал до 14,6 млрд долл.

По мнению представителя Российского института стратегических исследований (РИСИ) в Турции профессора Александра Колесникова, сближение с Ираном обозначило антиамериканский вектор во внешней политике Турции, которая демонстрирует Вашингтону решимость самостоятельно расставлять приоритеты, ориентируясь в большей степени на региональные, а не западные интересы. «Перезагрузка отношений с Ираном — это еще и попытка Турции по-новому взглянуть на события в Сирии, — сказал «НГ» эксперт. — От 1,5 до 2 млн беженцев скопилось в лагерях, расселяется по территории страны, вызывая неоднозначную реакцию населения, и Анкара ищет выход из этого тупика».

Окончательная отмена санкций запаздывает. В понедельник в Женеве американские и иранские чиновники в присутствии европейских представителей пять часов вели переговоры в преддверии нового раунда консультаций в Вене в формате «шестерка» международных посредников плюс Иран», намеченных на 16–20 июня. Дедлайн для выработки всеобъемлющего соглашения намечен на 20 июля, однако представители ИРИ вновь отметили, что скорее всего его придется отложить на полгода (такая опция предусмотрена рамочным соглашением, достигнутым 24 ноября в Женеве).

Диалог продолжался во вторник. Интересно, что это были первые официальные прямые переговоры США и Ирана (вне «шестерки») по ядерной программе Тегерана с 1980-х годов. Замглавы МИД Ирана Аббас Арагчи встречался с первым заместителем госсекретаря США Уильямом Бернсом и замгоссекретаря Уэнди Шерман, а также с заместителем главы дипломатии ЕС Хельгой Шмид. Сегодня и завтра аналогичные переговоры с иранцами в Риме проведет российская делегация.

Тем временем бывший посол США в России Майкл Макфол сообщил в понедельник в микроблоге в Twitter: «Планировал на этой неделе отправиться в Иран для участия в конференции, но выяснил сегодня, что мне было отказано в визе».

Иран почти добился освобождения от санкций

Пятый раунд переговоров между Ираном и «шестеркой» международных посредников (постоянные члены СБ ООН и Германия) открывается сегодня в Вене. Стороны надеются достичь окончательного соглашения по обеспечению прозрачности ядерной программы Тегерана и исключения из нее возможного военного компонента в обмен на снятие экономических санкций против Ирана. Крайний срок для заключения соглашения истекает 20 июля. О том, что достичь договоренности к этой дате возможно, заявил в субботу президент Ирана Хасан Рухани. «В Иране верят в возможность достижения всеобъемлющего соглашения, которое положит конец дискуссиям вокруг ядерной программы, к 20 июля, — сказал Рухани на пресс-конференции, посвященной итогам первого года пребывания на посту главы государства. — Оставшиеся разногласия могут быть урегулированы доброй волей и проявлением гибкости... В случае провала проигрывают и та, и другая сторона».

Иранцы уже ощутили издержки санкций, усиленных США в 2012 году и введенных ЕС в 2013-м. Они привели к резкому ухудшению состояния экономики Ирана и падению его нефтяного экспорта на 40% в год. Санкции оборачиваются для Тегерана, по данным Bloomberg, потерей в 133 млн долл. ежедневно. Свет в конце туннеля появился в результате совместного плана действий «шестерки» и Ирана, принятого в минувшем ноябре в Женеве. Тегеран обязался в течение шести месяцев приостановить обогащение урана до 20% и не обогащать его выше пятипроцентного уровня. Он согласился избавиться от запасов высокообогащенного урана, приостановить строительство тяжеловодного реактора в Араке, не развертывать новые центрифуги и расширить доступ инспекторов МАГАТЭ на свои ядерные объекты.

В ответ Запад пошел на послабление санкций, в частности, по работе на мировом нефтяном рынке. Как отметил на днях представитель Белого дома Джей Карни, несмотря на заключение Вашингтона о том, что на мировом рынке сейчас нет дефицита нефти, США «поставили на шестимесячную паузу» усилия, направленные на дальнейшее сокращение объемов экспорта нефти из Ирана. А на встрече лидеров G7 в Брюсселе рассматривался вариант обеспечения Европы в целом и Украины в частности иранским газом. Углеводородам из Ирана со временем может быть уготована роль заменителей российского топлива на европейском рынке.

Но уже сегодня Тегеран может стать союзником США в деле стабилизации ситуации в соседнем Ираке, который находится на грани распада. Боеви-

ки из суннитской организации «Исламское государство Ирака и Леванта» (ИГИЛ), связанной с «Аль-Каидой», пытаются свергнуть правительство страны, базой поддержки которого являются шииты, дружественные Ирану. Отвечая на вопрос, готов ли Иран работать вместе с США в борьбе с боевиками в Ираке, Рухани отметил: «Мы можем подумать об этом, если увидим, что Америка начнет выступать против террористических группировок в Ираке или еще где-нибудь».

Между развитием ситуации в Ираке и достижением окончательного соглашения с Ираном вряд ли существует прямая связь, но контекст у них, безусловно, общий. Запад остро нуждается в тактической помощи Ирана. Провал переговоров по иранской ядерной программе стал бы трагедией для Запада, так как в этом случае Тегеран не видел бы особого смысла в борьбе с ИГИЛ.

По отношению к иракским радикалам Вашингтон и Тегеран волей-неволей оказались по одну сторону баррикад. И это при том, что еще в конце мая верховный лидер Ирана Али Хаменеи вновь заявил, что идеалы Исламской Республики включают уничтожение США. «Причина для продолжения битвы — не подстрекательство к войне, а необходимость вооружиться в целях самозащиты», — сказал он. И ясно дал понять, что научные исследования в ядерной области, интенсивно проводимые в Иране в течение последних 12 лет, не прекратятся ни при каких обстоятельствах.

Раджаб Сафаров: Санкции могут быть сняты с Ирана ускоренными темпами

В Вене стартовал пятый раунд переговоров между Ираном и «шестеркой» международных посредников по ядерной программе, сообщил официальный представитель главы дипломатии ЕС Кэтрин Эштон Майкл Манн. «Переговоры «шестерки» и Ирана начались с рабочего ланча высокого представителя ЕС Эштон и министра иностранных дел Ирана Зарифа», — цитирует его запись на своей странице в Twitter РИА Новости.

Участники переговоров придают большое значение этому раунду. По словам высокопоставленного дипломатического источника в Вене, близкого к переговорам, в ходе него стороны или начнут работу над текстом, или будут вынуждены принять решение о продлении срока переговоров.

Гендиректор Центра изучения современного Ирана Раджаб Сафаров пояснил в беседе с корреспондентом «Вестника Кавказа», что решающим этот раунд считается неспроста. «Во-первых, до 20 июля, срока, к которому должно быть подписано всеобъемлющее соглашение по иранской ядерной программе, остается чуть больше месяца. В принципе, это предпоследний раунд, однако, если еще один раунд и будет проведен, то только из-за каких-либо форс-мажорных обстоятельств», — обратил внимание эксперт.

«Во-вторых, все стороны заинтересованы подписать это соглашение в срок. В частности, это приоритет нового иранского Кабмина и президента Хасана Рухани, который публично обещал народу Ирана, что сделает все для того, чтобы снять западные санкции. На решимость «шестерки переговорщиков», несомненно, повлияла международная ситуация, особенно кризис на Украине и подписание договора о создании Евразийского экономического союза между Россией, Белоруссией и Казахстаном», — заявил Сафаров, выразив уверенность в том, что «тень Ирана» всегда присутствовала в евразийских интеграционных проектах.

По мнению Гендиректора ЦИСИ, угроза сотрудничества Ирана с ЕАЭС стала одной из причин смягчения американского отношения к Исламской республике. «Фактически, перед Западом встала задача остановить процесс российско-иранского сближения. Я не исключаю, что санкции будут сняты с Ирана ускоренными темпами, дабы освободить возможность сотрудничества с Ираном для самих западных стран. США и Европа могут сделать очень интересные предложения по их участию в развитии экономики ИРИ,

особенно в плане широких и мощных инвестиций. Присоединение Крыма очень напугало Запад, в лице россиян он обнаружил тот «локомотив», который может увлечь за собой целый ряд государств и разрушить однополярную модель мира. Очевидно, что в таких условиях западные игроки не могут оставить без внимания Иран», — поведал эксперт.

Также, подчеркнул Сафаров, смещение геостратегических приоритетов Запада с Ближнего Востока на постсоветское пространство сказалось на отношении к Ирану и иным образом. «Совершенно очевидно, что Европа и США сейчас заняты Украиной, и все ресурсы брошены на то, чтобы обострить украино-российские отношения, ведь это фактор, препятствующий интеграционным проектам России. Их задача-максимум — вовлечение России и Украины в военный конфликт, однако ее выполнение требует так много сил, что Западу попросту не до Ирана. Поэтому и США, и Франции, и Великобритании, и Германии сейчас проще подписать всеобъемлющее соглашение, к тому же это дает Евросоюзу пространство для маневров, ведь утерю контактов с Россией можно будет компенсировать на иранском фронте», — резюмировал гендиректор ЦИСИ.

Владимир Ефимов

От сотрудничества Ирана и США в Ираке зависит судьба переговоров в Вене

Иран вынужден вмешаться в нынешний конфликт в Ираке с использованием своих вооруженных сил. Более того, США пошли на сотрудничество с Тегераном в целях подавления выступления исламистов в Ираке. Но за это Вашингтону скорее всего придется заплатить ИРИ уступками на переговорах по иранской ядерной программе.

Вооруженное восстание в Ираке, начатое радикальным суннитским движением «Исламское государство Ирака и Леванта» (ИГИЛ), к которому примкнули организация бывших баасистов и саддамовских офицеров «Накшбандия» во главе с бывшим «вторым лицом» при Саддаме Хусейне Иззатом Ибрагимом ад-Дури, некоторые суннитские племена западного и центрального Ирака, «Армия муджахеддинов» и ряд экстремистских организаций, вызвали сильную обеспокоенность в Тегеране, где давно сделали ставку в Багдаде на нынешнего шиитского премьер-министра Нури аль-Малики. При этом иранское руководство поняло и то, что, помимо потери Ирака, произойдет крушение давних планов по созданию шиитской дуги от Тегерана до Бейрута. А это, в свою очередь, послужит стратегическим интересам Саудовской Аравии — основному сопернику ИРИ в Персидском заливе и регионе в целом, и Израилю, который мечтает ликвидировать иранскую ядерную программу. И в Тегеране почти сразу же приступили к активным действиям на иракском направлении.

Так, уже 11 июня, то есть сразу же после падения Мосула, президент ИРИ Хасан Роухани заявил, что Иран сделает все возможное, чтобы защитить от боевиков шиитские святыни в Ираке. Тем более ведь хорошо известно, что экстремистская группировка ИГИЛ ранее неоднократно разрушала многочисленные усыпальницы и гробницы, относящиеся к различным религиозным вероисповеданиям. «Что касается усыпальниц шиитских имамов в Ираке, мы предупреждаем великие державы и их приспешников, убийц и террористов, что великий иранский народ сделает все, чтобы защитить их», — сказал Роухани во время выступления в городе Хорремабад недалеко от ирано-иракской границы. А уже 14 июня президент ИРИ заявил о том, что Иран готов оказать помощь правительству Ирака в борьбе против суннитских повстанцев в рамках международного права. При этом, правда, Роухани отметил, что Багдад до сих пор не обращался за помощью.

Иранское руководство подчеркивает, что не предпримет военного вмешательства в Ирак, чтобы остановить сторонников создания исламского суннитского «халифата» в составе суннитских провинций Ирака и Сирии, но не будет стоять в стороне (прим. — это делается явно под давлением радикально настроенных военных), если боевики-салафиты станут разрушать шиитские храмы в Самарре, Кербале и других городах. Однако уже 12 июня появилась подтвержденная из разных источников информация о том, что Иран направил по крайней мере три батальона спецназа бригады «Аль-Кудс» Корпуса стражей исламской революции (КСИР) в Ирак для участия в борьбе с боевиками группировки ИГИЛ. Так, 14 июня об этом сообщила Wall Street Journal со ссылкой на источники в органах безопасности Ирана.

На сегодня известно, что один батальон иранского спецназа уже ведет борьбу с исламистами. Этому батальону удалось помочь иракской армии освободить 13 июня большую часть города Тикрит. А новые иранские подразделения, прибывающие в зону боевых действий, защищают Багдад и шиитские города Неджеф и Кербелу. Некоторые иранские СМИ сообщили, что начальник полиции ИРИ Исмаил Ахмад Мукаддам заявил, что Совет национальной безопасности страны рассматривает вопрос об участии в событиях в Ираке с помощью военной силы для «защиты шиитских святынь и городов».

«Ирак для Ирана считается жизненно важным приоритетом во внешней политике в регионе, и Тегеран пойдет на любые шаги, чтобы защитить свои интересы»

А знаменитый иранский генерал Касем Сулеймани, командующий силами специального назначения КСИР бригадой «аль-Кудс», находится сейчас в Багдаде, чтобы помочь правительству аль-Малики. Сулеймани хорошо знает Ирак и обстановку в нем. Он в 80-х годах сражался в войне против саддамовского Ирака. Многие годы его политика и идеология, направленная на расширение шиитского ислама, оказывала влияние на страну.

«Ирак для Ирана считается жизненно важным приоритетом во внешней политике в регионе, и Тегеран пойдет на любые шаги, чтобы защитить свои интересы», — цитируются слова иранского

эксперта из Нью-Йорка Рузбеха Мирибрахими. Кроме того, Тегеран привел в полную боевую готовность свои войска на границе с Ираком и отдал приказ своим ВВС бомбить позиции боевиков, если они подойдут ближе, чем на 100 километров к границе страны. Представитель сил безопасности Ирана сообщил журналу Wall Street Journal, что два отряда ИГИЛ были замечены еще 12 июня в пограничных иранских провинциях Урмия и Лорестан, но пограничникам и военным удалось отогнать их обратно на иракскую территорию.

А тут вообще произошла сенсация, когда на весь мир прозвучало неожиданное предложение президента Ирана Роухани Соединенным Штатам Америки о ведении совместной борьбы против терроризма суннитской радикальной группировки «Исламское государство Ирака и Леванта», тесно связанной с иракской «Аль-Каидой». Многие аналитики решили, что тем самым он хочет вовлечь Барака Обаму в «священную» для шиитского Ирана войну против суннитов. Ведь эпицентр шиито-суннитской борьбы находится сейчас именно в Ираке. А нынешний вооруженный конфликт там

размывает границы, установленные тайным соглашением Сайкса — Пико от 16 мая 1916 года, в котором западные державы разграничили сферы своих интересов на Ближнем Востоке на осколках Османской империи. Хотя в действительности, это началось раньше — когда исламская революция 1979 года в Иране под руководством Хомейни начала создавать шиитский полумесяц от Ирана до Ирака, Ливана и Сирии. Но только с конфликтом в Ираке началась реальная война за пересмотр границ. Сейчас в Вашингтоне активно обсуждают такую возможность, и нельзя исключать, что Барак Обама, несмотря на свое личное внутреннее сопротивление любому вмешательству, решит сотрудничать со страной, которая называет США «великим Сатаной». Ведь даже право-консервативные сенаторы типа Линдси Грэма признают необходимость подобного рода военного взаимодействия для предотвращения полного коллапса Ирака.

Но, конечно, имеются определенные ограничители при заключении столь странных альянсов. И что важно — в данном случае напрашивается предположение, что Вашингтону расплачиваться с Тегераном придется содержанием соглашения по иранской ядерной программе путем внесения в него серьезных уступок иранцам. И вот тут возникает серьезная проблема: нынешнее сближение США с Ираном вызвало опасения в Саудовской Аравии и Израиле, которые пытаются помешать этому любыми способами. Хотя именно из-за них во многом начался нынешний вооруженный конфликт в Ираке. Стремление ослабить позиции шиитов в Сирии, Ливане, Ираке и Иране привело к тому, что они стали использовать суннитские вооруженные группировки и подрывать интересы Ирана в Ираке: отстранение от власти Нури Аль-Малики или Башара Асада положило бы конец переговорам по ядерной проблематике между Тегераном и Вашингтоном, а также подтолкнуло бы Иран к наращиванию своей военной мощи.

Но одновременно ясно и то, что кризис в Ираке может привести к неожиданным изменениям в тяжелых переговорах по иранской ядерной программе в Вене. Перспектива падения иракских властей одинаково пугает как Тегеран, так и Вашингтон. При этом Иран заинтересован в том, чтобы как можно быстрее завершить переговоры, которые, в случае успеха, могут привести к снятию со страны международных санкций, навязанных Западом. А президент Обама понимает, что историческая возможность решить проблему иранской ядерной проблемы может быть упущена. Если республиканцы, в целом более враждебно настроенные к соглашению с Ираном, возьмут под контроль Сенат во время выборов 4 ноября с.г., поле для маневра американского президента значительно сузится.

С 9 по 15 июня иранцы провели серию прямых переговоров с США, Францией, Россией и Германией перед возобновлением 16 июня многосторонних переговоров с шестеркой международных посредников, в которую входят 5 членов Совета безопасности ООН и Германия. Согласно компромиссу, к которому стороны пришли в январе с.г., участники переговорного процес-

Вашингтону расплачиваться с Тегераном придется содержанием соглашения по иранской ядерной программе путем внесения в него серьезных уступок иранцам

са обязались прийти 20 июля к итоговому соглашению. Но большая часть экспертов уверены, что переговоры будут продлены из-за многочисленных проблемных точек. Тогда Ирану было предложено замедлить свою программу по обогащению урана, необходимого для изготовления атомной бомбы, в обмен на частичное снятие международных санкций. К этому присовокупили постепенное размораживание 4,2 миллиарда долларов на иранских счетах, заблокированных в иностранных банках.

Накануне возобновления переговоров в Вене позиции по данному соглашению в Тегеране и западных столицах заметно отличались друг от друга. На данном этапе «начала разрешения важных проблем пока не видно», сообщил европейский дипломатический источник. Единственная сфера, где мог бы быть достигнут прогресс, согласно этому источнику, знакомому с ядерным досье ИРИ, является ситуация с исследовательским реактором в Араке, который в настоящий момент находится в стадии строительства. После его окончания он сможет производить примерно десять килограмм плутония в год, чего было бы достаточно для одной или двух атомных бомб. Иранцы могли бы согласиться ограничить производство одним килограммом в год и отказаться от строительства комплекса регенерации, который необходим для выработки плутония в качестве, надлежащем для его использования в военных целях.

Однако, в том, что касается центрифуг — одной из основных тем переговоров — споры остались, судя по всему, на мертвой точке. У Ирана их — 19 тысяч, из которых 10 тысяч находятся в действующем режиме, что может позволить Тегерану производить уран, достаточно обогащенный для создания двух бомб в год. И иранцы высказывают желание установить их еще в большем количестве, возможно, до 50 тысяч, по мере роста их потребностей, как они выражаются. Итак, чем выше возможность обеспечить страну источниками обогащения урана, тем быстрее она может прийти к созданию ядерного оружия. На данный момент позиции сторон противоположны.

Препятствий, которые нужно преодолеть к 20 июля, великое множество

Глава французской дипломатии Лоран Фабиус предположил 10 июня, что Иран может требовать лишь «несколько сотен центрифуг», однако эта позиция неприемлема для Тегерана, так как это требует демонтажа всей инфраструктуры. США, отмечает эксперт, установили планку на уровне 4000—6000 центрифуг.

Резюмируя, можно сказать, что препятствий, которые нужно преодолеть к 20 июля, великое множество. Во всяком случае до тех пор, пока

иракский кризис не ускорит завершение переговоров, которые находятся в тупиковом состоянии уже более 10 лет. А судя по всему, Западу, и прежде всего США, придется пойти навстречу ИРИ, если Вашингтону действительно хочется подавить нынешнее вооруженное выступление исламистов в Ираке. Иначе под угрозу будут поставлены нефтяные и газовые интересы Запада в Персидском заливе, на который приходится 65% мировых запасов нефти. А без Ирана американцы явно не смогут переломить нынешнюю ситуацию в Ираке, которая стремительно деградирует с каждым днем, а режим аль-Малики трещит по швам.

Владимир Алексеев

Российско-иранский южный коридор

Россия и Иран готовы к полномасштабному экономическому партнерству по всем направлениям. Это послужит серьезным импульсом для экономического развития обеих стран, укрепления их независимости от Запада. Одним из наиболее перспективных из них может стать создание «южного транспортного коридора» — от побережья Индийского океана до Волги и далее в Европу. Реализация подобного гигантского проекта откроет новые горизонты в мировой геополитике, внесет серьезные изменения в глобальную экономику, прежде всего в ее транспортную инфраструктуру.

По мере того, как Иран приближается к снятию финансово-экономических санкций, введенных Западом из-за его мирной ядерной программы, встает вопрос о развитии широкомасштабного сотрудничества России с Ираном по всем направлениям, прежде всего в экономической и военно-технической сферах (ВТС). Особенно перспективны области энергетики, прежде всего нефти и газа, ядерной энергетики, и, что может стать особо значимым для обеих стран, в транспортном секторе. Ведь территория Ирана — это наиболее короткий транзитный путь для России к Южной Азии и Юго-Восточной Азии (ЮВА). А Россия, в свою очередь, — это транзитная территория в этом направлении для центральной и северо-западной Европы (Германии, Польши, Чехии, Словакии, Венгрии, стран Бенилюкс, Скандинавии и Балтии). Сейчас же коммерческим грузам из вышеупомянутых районов до Индии, Пакистана, Бангладеш, Вьетнама, Малайзии, Филиппин, Индонезии, Австралии и т.д. приходится проделывать сложный и длинный, а значит и дорогой по стоимости доставки путь, равно как и не менее обременительный путь в обратном направлении. То есть вокруг Африки, либо через Средиземное море, затем Суэцкий канал (за проход по нему нужно платить высокие пошлины) и т.д. Как тут не вспомнить проект 20-летней давности так называемого южного транспортного коридора, предполагавшего соединить один из портов Султаната Оман на Аравийском море Индийского океана через Персидский залив, далее железные дороги Ирака и Ирана и Каспийское море с каспийскими портами, железнодорожными узлами и системой речных каналов в России. Это по времени сделало бы доставку грузов в 3 раза быстрее, а по стоимости — в 4 раза меньше, нежели путь из Индии, например, через Индийский океан, Красное море, Средиземное море и Черное море в Новороссийск или Туапсе, или же вокруг Африки и далее через Атлантику в Балтийское море до Санкт-Петербурга, Риги,

Клайпеды, Таллинна, Стокгольма, Хельсинки и т.д. или через северные моря до норвежских портов и Мурманска.

Теперь с учетом произошедших геополитических изменений, прежде всего «арабских революций», «южный транспортный коридор» можно сократить и удешевить еще на целый порядок. Для это нужно построить весьма крупный порт непосредственно на иранском побережье Аравийского моря поближе к Пакистану, т.е. фактически непосредственно на побережье Индийского океана, связав его, кстати, с пакистанским портом Карачи, провести оттуда скоростную железную дорогу с большой пропускной способностью до иранского порта Решт на Каспии, далее — мощную паромную переправу, способную перевозить ж/д вагоны до Астрахани или другого порта России, с использованием параллельно крупных судов «река-море», а далее — ответвления железной дороги на северо-запад до ЕС и на восток до КНР и Кореи.

Таким образом, был бы создан замкнутый треугольник: ЕС — Россия, Иран — выход на Индийский океан, минуя Средиземное море и путь вокруг Африки, а также многосторонний транспортный сегмент ЕС — РФ — (ответвление на Иран и Южную Азию) — Дальний Восток до Китая и Кореи. То есть Россия и Иран стали бы самым коротким и дешевым транзитным путем из ЕС в Южную и Юго-Восточную Азию. А для экономик России и Ирана это стало бы мощнейшим импульсом экономического развития, включая транспортную инфраструктуру. Ведь для этого пришлось бы строить или расширять порты и портовое хозяйство в Иране и России, причем не только на Каспии, но и на Волге, а также прокладывать скоростные железные дороги через иранскую территорию. А это — огромные заказы для российских компаний, производящих рельсы и шпалы, семафоры и другое ж/д оборудование, оптико-волоконные системы связи вдоль ж/д путей, ремонт огромного количества локомотивов и железнодорожных вагонов самого различного профиля — от цистерн, зерновозов до тяжелых платформ и спецвагонов. Такое крупное предприятие как «Уралвагонзавод» был бы обеспечен гигантскими прибыльными заказами на долгие годы. Как впрочем и многие предприятия иранской промышленности. Большие дивиденды от этого проекта получила бы ОАО «РЖД» и иранская национальная железнодорожная компания. Было бы создано большое число новых рабочих мест не только в промышленности РФ и ИРИ, но и для эксплуатации «южного транспортного коридора». Кроме того, для обслуживания этого коридора понадобилось бы построить специальный паромный флот на Каспии и суда «река-море» на Волге, что загрузило бы Объединенную судостроительную компанию (ОСК).

О геополитическом значении подобного проекта излишне говорить, так как его реализация способствовала бы формированию своего рода транспортно-го, а затем и политического союза Россия — Иран — Индия, а со временем и подключение к нему Китая, стран ЮВА и АТР. Он стал бы мощным противопоставлением агрессивной части блока НАТО во главе с США, способствуя его размыту, а также своего рода противовесом военно-политическим амбициям некоторых проамериканских стран ЕС. При этом коммерческие интересы всех членов Евросоюза были бы только в выигрыше. В этой связи можно сформулировать некоторые выводы:

1. Российская внешняя политика в условиях возрастания агрессивности США и их европейских союзников, а также подожженных США и арабскими монархиями «арабских революций» должна ориентироваться на создание многостороннего и многопланового мирового полюса: РФ — Иран — Индия — Китай. Такой полюс интегрирует структуры, принадлежащие четырем различным цивилизациям, и тем самым станет глобальным. И он сможет игнорировать волю других полюсов, прежде всего Северо-Атлантического, имеющих гегемонистские амбиции навязывания западных демократических и цивилизационных ценностей остальному миру.

2. Российская экономическая политика должна иметь экспортно ориентированный характер. В отношениях с глобальными экономическими партнерами ее следует ориентировать на экспорт средств производства, технологий и капитала, в отношениях с геополитическими противниками — на экспорт своих ценностей.

3. И, наконец, российская геополитика станет эффективной, если будет ориентирована на обеспечение и поддержание позитивной роли «связки» между Западом и Востоком, Севером и Югом.

Для того, чтобы превратить концепцию подобного рода «мирового посредника» цивилизаций в конкретную технологию, в первую очередь необходимо резко улучшить логистику полюса РФ — Иран — Индия, причем прежде всего на транспортном и экономическом уровнях. Главный проект этого направления — «южный транспортный коридор», связывающий Южную Азию, Средний Восток, Россию, Центральную Европу и регион Балтийского моря. Такой маршрут может стать транспортной осью российско-иранского союза и структурообразующим началом для экономики целого ряда регионов. Понятно, что в рамках перспективного будущего транспортный коридор должен охватывать все инфраструктурные компоненты — собственно грузопоток, финансовые и иные потоки.

Для Ирана такой транспортный коридор крайне необходим. В результате длительной экономической изоляции его доступ к современным технологиям весьма затруднен. Западная экономическая система не заинтересована в развитии Ираном какой-либо промышленности, кроме нефтегазодобывающей. Но образовавшийся вакуум могут заполнить простаивающие сейчас российские предприятия. Кроме того, переход Ирана от экспортно-сырьевой к транспортно-перерабатывающей деятельности позволит ему обрести новую степень экономической независимости.

Воздействие южного транспортного коридора на российские реалии гораздо масштабнее. Путем создания транспортного и юридического пространства вдоль Волго-Балтийского и Беломоро-Балтийского каналов на протяжении всей Центральной России и Урала, обеспечения военного присутствия России в ряде ключевых регионов, установления контроля над Каспийским морем российским и иранским военно-морскими флотами будет образована дополнительная ось для укрепления единства нашей страны.

Ведь проблемы российской промышленности (и в широком понимании — российской государственности) во многом — это проблемы логистики и транспортного сообщения. Россия не только имеет плотность дорожной сети на порядок меньше западноевропейской нормы, но и крайне неэффективную структуру управления и неудачную конфигурацию этой сети.

Поэтому принципиально важным результатом проекта должно стать расширение Астраханского порта и возникновение как минимум двух новых транспортных узлов: в Казани, где «южный коридор» пересекается с Транссибирской магистралью, и в районе Санкт-Петербург — Петрозаводск. Первый узел изменит статус Татарстана и позволит глубже интегрировать его в структуру российской экономики, второй — даст возможность переключить часть транспортного потока из Финляндии и Северной Европы, разгрузив направление Петербург — Хельсинки и Санкт-Петербург — Балтия.

Весьма важным последствием станет возрастание загрузки предприятий среднего и тяжелого машиностроения, судостроительных и судоремонтных заводов. Речь идет о строительстве и обслуживании значительного количества судов «река-море», а также о заказах на модернизацию транспортной инфраструктуры Ирана, Прикаспийских областей России и Поволжья. На более поздних стадиях проекта возникнет проблема создания иранской промышленности.

Итак, на условной карте-схеме «южный коридор» представляет собой сложную транспортную систему, протянутую от Санкт-Петербурга через железные дороги и Волго-Балтийский канал, реку Волгу, Каспийское море и территорию Ирана к Аравийскому морю, Персидскому заливу и Индии. На севере эта дорога может быть продлена за счет Беломоро-Балтийского канала и замкнута на Северный Морской Путь. На юге она пересекается Транссибом, Волго-Донским каналом и транспортным коридором «Китай — Западная Европа». Кроме того, российское военное и экономическое присутствие на Каспийском море окажет сильное воздействие на транспортные потоки в Центральной Азии и в Закавказье.

Помимо уже существующего водного коридора Каспий — Волга в его основе будут магистральные скоростные железные дороги, связывающие Астрахань с Москвой и далее с Минском (далее — на Варшаву и Берлин), и скоростная ж/д линия Москва — Санкт-Петербург — Таллин — Рига.

Транспортная ось из Балтийского моря в Индийский океан, которая станет не только конкурентом, но и альтернативой пути через Суэц или вокруг Африки, подразумевает наличие двух «особых точек» в начале и в конце маршрута: транспортных узлов, играющих системообразующую роль соответственно для Северо-Европейского региона и для стран Среднего Востока и Южной Азии.

Проект может состоят из следующих этапов реализации:

- Создание в устье Финского залива международного порта и задействование в этих целях латвийского порта Вентспилс, замыкающих на себя все морские транспортные потоки Балтийского региона и являющихся конечными точками «южного коридора». В этих портах заключается конкретный экономический интерес стран ЕС, прежде всего Германии, Центральной Европы, Балтии и Скандинавии.
- Модернизация и прокладка новых высокоскоростных железных дорог из Северо-Западного региона РФ (Санкт-Петербург и Мурманск) и Балтии до Астрахани; использование уже существующих судов класса

«река-море» на маршрутах каспийские порты Ирана — Астрахань — Волго-Балтийский канал — Санкт-Петербург — Северная и Центральная Европа, для чего имеется почти вся необходимая инфраструктура. Однако сквозное движение по этому маршруту до сих пор сдерживается геополитическими причинами.

- Создание иранской стороной (с использованием преимущественно российских технологий, с привлечением российских специалистов, с размещением заказов на российских предприятиях, расположенных по «южному коридору») адекватной поставленным задачам инфраструктуры на южном и восточном побережьях Каспийского моря и строительство скоростной ж/д магистрали от иранского берега Каспия до иранского побережья Аравийского моря.
- Строительство там крупного иранского морского порта с российским участием многоцелевого профиля. Кстати, для Тегерана будет безопаснее создать в этом районе мощности по сжижению газа с месторождения Южный Парс, нежели вывозить СПГ через Персидский залив и Ормузский пролив.
- Строительство разветвленной скоростной железнодорожной магистрали от Каспия до побережья на Аравийском море. Для этого может понадобиться привлечение иностранных инвестиций, в том числе из Индии и стран ЮВА, возможно КНР, а при необходимости, и заинтересованных стран Евросоюза. Технически же с реализацией этого участка «южного транспортного коридора» справится и Россия с ее предприятиями типа «Уралвагонзавод», специализированные локомотивостроительные заводы и предприятия по производству рельс, шпал, прокладки ж/д тоннелей и других необходимых средств для создания ж/д колеи в разных условиях местности — от равнин до гор и пустынь.

Реализация такого масштабного, глобального проекта должна пройти под непосредственным руководством Президента РФ, а для этого необходимо вначале принять политическое решение об этом проекте. Для мобилизации необходимых для этого проекта ресурсов, своевременных инфраструктурных решений необходимо назначение специального куратора на уровне специального представителя Президента РФ с особыми, чрезвычайными полномочиями. Все эти вопросы, при желании, Владимир Путин может обсудить с президентом Ирана Хасаном Роухани на саммите ШОС в сентябре сего года в Таджикистане. Но начинать нужно уже сегодня, поскольку на завершение столь масштабного проекта уйдет при наличии необходимого финансирования и проведения соответствующих ТЭО 5–7 лет. Но зато с его запуском в мире сложится совершенно иная глобальная транспортная, экономическая и геополитическая конфигурация, которая серьезно укрепит роль России, Ирана и Индии в мировых делах.

Владимир Ефимов

Перспективы российско-иранского газового взаимодействия

Время снятия антииранских санкций с Тегерана неминуемо приближается по мере продвижения переговоров «Шестерки» с Ираном. Очень скоро иранская столица может стать новым местом паломничества политических лоббистов со всего мира, а страну быстро наводнят зарубежные инвестиции. Сейчас западные компании, потирая руки, ждут отмашки, и скоро они ее получат. Между тем у России на протяжении многих лет была уникальная возможность, практически без всякой конкуренции, крепко осесть на самых лакомых секторах иранского рынка. Но она не воспользовалась этой возможностью. В свете последних событий вокруг Ирана, может, России все-таки удастся сесть в последний вагон уходящего поезда. Ведь если она и далее будет бездействовать, то очень скоро Запад может использовать тот же иранский фактор против самой России. Тогда наши возможные преимущества на иранском направлении в одночасье превратятся в реальные проблемы, причем серьезные и очень большие.

Ирану сейчас как воздух нужны три вещи: снятие санкций, инвестиции и новые технологии. Иранский фактор крайне важен для Европы и США не только в политическом плане. Он может стать спасительным кругом для дряхлеющих экономик этих стран, а в геополитическом плане — это супер оружие, которое Запад во главе с США собираются использовать против России во всех отношениях. Западные компании и политические лоббисты могут получить контракты на модернизацию и развитие экономики ИРИ, прежде всего в супер прибыльных секторах: энергетике, нефтегазовой сфере, нефтехимии, промышленности и т.д. К примеру, «жемчужиной» в нефтегазовой сфере может стать проект «Южный Парс» — крупнейшее газовое и газоконденсатное месторождение на шельфе Персидского залива. Зная скорость, с которой способны действовать западные и азиатские деловые круги, России, пока ее не опередили, нужно уже сейчас приступить к самой плотной проработке вопросов участия российских государственных и частных компаний в освоении емкого и перспективного иранского рынка, причем делать это при мощном лоббировании со стороны высшего политического руководства обеих государств. А «Южный Парс» мог бы стать пилотным проектом российско-иранского сотрудничества, который способствовал бы созданию газовой оси Россия — Иран. Такая ось способна задавать тон на мировом газовом рынке, может диктовать свои условия с

учетом того, что Форум стран-экспортеров газа со штаб-квартирой в Дохе показал свою несостоятельность и не стал тем механизмом, через который Москва и Тегеран могли бы проводить свои газовые интересы, включая образование цен на «голубое топливо» и квотирование его экспорта.

«Южный Парс» — это северная (иранская) часть газового месторождения, которое расположено в Персидском заливе к северо-востоку от Катара. «Южный Парс» был открыт в 1990 году. «Южный Парс» относительно легкодоступное месторождение, поскольку оно находится на небольшой глубине и недалеко от берега. Как следствие — низкая себестоимость добычи. Оператором разработки является Национальная иранская нефтяная компания (НИОС). Участниками разработки являются Газпром, ENI и Total. Газ из «Южного Парса» по газопроводам отправляется в Асалуе. «Южный Парс» занимает площадь в 3700 кв. км, оно содержит 8% мировых запасов газа и 50% суммарных запасов газа Ирана. Правительство ИРИ поделило «Южный Парс» на 28 участков (фаз). Добыча природного газа в 2012 году составила 100 млрд куб. м. Добыча нефти составляет свыше 5,5 млн тонн в год. Запасы «Южного Парса» оцениваются в 14,2 трлн кубометров газа и 2,7 млрд тонн нефти (18 млрд баррелей).

«Южный Парс» относительно легкодоступное месторождение, поскольку оно находится на небольшой глубине и недалеко от берега

В 2010 году экономическая зона «Северный Парс» площадью 16 тыс. га была присоединена к экономической зоне «Южный Парс» площадью 30 тыс. га. В зоне «Северный Парс» будут построены как минимум семь газоочистительных заводов, установки по очищению газа, по производству сжиженного природного газа (СПГ) и портовые причалы, предназначенные для отгрузки СПГ на экспорт. В зоне «Северный Парс» основные запасы газа находятся в районе Бордхун в шахрестане (округе) Дир на юге провинции Бушер, и газоочистные сооружения в рамках проекта по освоению газового месторождения будут строиться в шахрестанах Дир, Дешти и Тангестан. Газоочистные сооружения в рамках проекта по освоению газовых месторождений «Южного Парса» строятся и уже эксплуатируются в районе Асалуе в шахрестане Канган в 280 км к югу от Бушера.

В марте 2013 года новым министром нефти Ирана Бижаном Зангане изданы три распоряжения, которые направлены на содействие в разработке месторождения «Южный Парс». Согласно одному из них, подрядчики в первую очередь должны закончить разработку 12, 15, 16, 17 и 18 фаз месторождения. Бижан Зангане подчеркнул, что «если морские скважины, трубопроводы и буровые установки начнут функционировать до наступления зимы, то министерство будет иметь возможность обрабатывать газ с месторождения «Южный Парс» на старых НПЗ Bidboland и Fajr-e-Jam. Но начались задержки в процессе реализации этого проекта. Ранее агентство Mehr News сообщало, что разработка проектов различных фаз «Южного Парса» Ираном либо остановилась, либо она идет очень медленно из-за финансовых проблем. За предыдущие три года в это месторождение было инвестировано \$46 млрд. По мнению чиновников Национальной иранской нефтяной компании, в 2013 году в проект должно было быть дополнительно инвестировано от \$16 до \$17 млрд. А в марте 2014 года тот же Бижан На-

мдар Зангане распорядился спроектировать и построить 8 небольших нефтеперерабатывающих заводов в особой экономической зоне (ОЭЗ) «Парс» на нефтегазовом месторождении «Южный Парс». По словам руководства ОЭЗ «Парс», проект будет реализовываться частными инвесторами. По прогнозам, строительство восьми мини-НПЗ предполагается осуществлять в течение двух лет с момента начала работ. На каждом объекте планируется перерабатывать примерно 60 тысяч баррелей газового конденсата в сутки. Заводы будут производить ряд нефтепродуктов, включая дизтопливо и бензин. Руководство ОЭЗ «Парс» недавно сообщило, что сейчас подходят к концу работы по подготовке к реализации проекта.

В 2009 году было заявлено, что ОАО «Газпром» может принять участие в строительстве предприятий по сжижению природного газа (СПГ) в Иране в рамках проекта «Южный Парс». По словам тогдашнего министра энергетики России Сергея Шматко, это предусмотрено меморандумом о взаимопонимании в нефтегазовой сфере, подписанным им с иранским коллегой Голямхоссейном Нозари в Вене, где проходила встреча ОПЕК. Создание мощностей по сжижению газа — одна из стадий разработки газового месторождения «Южный Парс». Помимо этого, в документе рассматривается возможность поставок «Газпромом» туркменского газа на север Ирана. Эти поставки будут компенсированы «Газпрому» поставками газа с южных месторождений Ирана в страны Персидского залива. Напомним, что «Газпром» с 1997 года участвовал в проекте обустройства и эксплуатации второй и третьей фаз месторождения «Южный Парс». 13 июля 2008 года между «Газпромом» и Национальной иранской нефтяной компанией был подписан меморандум о взаимопонимании.

Северный Иран испытывает проблемы в связи с недостаточным количеством энергоресурсов

Дело в том, что северный Иран испытывает проблемы в связи с недостаточным количеством энергоресурсов. Решить эти проблемы в одиночку, видимо, достаточно проблематично для страны, поскольку добыча газа осуществляется на

юге Ирана, где находится крупнейшее газовое месторождение в мире, а доставка добытого сырья на север страны затруднена ввиду отсутствия сети газотранспортных трубопроводов. Для «Газпрома» же выступить в качестве транспортера туркменского газа нетрудно, поскольку у концерна уже есть договоренности о закупке туркменского газа. Кроме того, концерн может дополнить объем продаж Ирану газом из Азербайджана. Даже если ценовые условия сложатся таким образом, что «Газпром» не сможет зарабатывать на спотовых операциях, укрепление сотрудничества с Ираном в этой сфере — это важнейший фактор, способный в дальнейшем принести концерну существенную выгоду в виде, например, возможности приобретения доли в иранских месторождениях.

Однако в нынешних условиях, когда США и их союзники по ЕС при поддержке консервативных арабских монархий Персидского залива начали борьбу за передел мирового рынка газа, чтобы уменьшить роль России в поставках «голубого топлива» в Европу и сдержать усилия Ирана по быстрому развитию своих газовых месторождений для экспорта, Москве и Тегерану необходимо пересмотреть свои подходы в вопросах газового взаи-

модействия, чтобы защитить свои национальные интересы и отстоять энергетическую безопасность. Как представляется, стоило бы подумать над тем, как ускорить разработку «Южного Парса» и приступить к экспорту газа с него на новые перспективные рынки, такие как Индия, которой к 2020 году понадобится экспортировать минимум 50 млрд куб. м «голубого топлива». А ведь есть еще Пакистан, Бангладеш, Шри-Ланка и страны ЮВА с огромным населением, а также Южный Китай, где пока на газовом рынке доминируют Катар, Австралия и Индонезия, и еще рынки Японии и Кореи. В этой связи было бы целесообразным пересмотреть проект «Южного Парса», создав под него специальный международный концерн с ведущей ролью Ирана, с мощным участием российских операторов, таких как «Газпром», НОВАТЭК (имеет опыт работы по СПГ на Ямале), «Стройтрансгаз», привлечением китайской госкорпораций и тех европейских компаний, которые имеют самые передовые технологии в газовой сфере, прежде всего в плане производства СПГ. Для этого вполне подойдет французская «Тоталь», которая действует без особой оглядки на США и уже сотрудничает с НОВАТЭКом в проекте «Ямал-СПГ».

Было бы целесообразным пересмотреть проект «Южного Парса», создав под него специальный международный концерн с ведущей ролью Ирана

Строить мощности СПГ на побережье Персидского залива недалеко от «Южного Парса» небезопасно в плане транспортировки, так как США, опираясь на Саудовскую Аравию, всегда смогут своим флотом перекрыть проход через Ормузский пролив. Поэтому было бы целесообразно провести газопровод к району порта Чабахар на берегу Оманского залива недалеко от пакистанской границы и построить там комплекс по сжижению газа. То есть фактически на берегу Индийского океана. Отсюда очень близко до Пакистана и Индии, и прямой путь в страны ЮВА и Южный Китай, Японию и Корею. При этом есть смысл создать при корпорации свой флот газозовозов для транспортировки СПГ (25–30 судов), причем построить их не в Южной Корее, а в России на вервях Объединенной судостроительной корпорации (ОСК). При наличии адекватных финансовых ресурсов проект «Южный Парс»-СПГ мощностью 25–30 млн тонн сжиженного газа в год можно реализовать в течение 5–7 лет максимум при наличии политической воли Москвы и Тегерана.

Есть смысл подключить Россию к проекту трубопровода ИПИ (Иран — Пакистан — Индия), если Индия вновь присоединится к нему. Газа «Южного Парса» вполне хватит и на это, тем более если Россия компенсирует своими поставками потребности северного Ирана в энергомощностях. Таким образом, наряду с проектом российско-иранского южного коридора сотрудничество наших двух стран на «Южном Парсе» способно в корне изменить ситуацию на мировом газовом рынке, где Вашингтон навязывает свою гегемонию, и обеспечить России и Ирану ведущие позиции на нем, включая образование цены на газ и регулирование объемов и географии поставок.

Москва и Эр-Рияд: Слухи о перезагрузке сильно преувеличены

Министр иностранных дел России Сергей Лавров 20–21 июня посетил Саудовскую Аравию. Представленная российской стороной повестка переговоров была весьма широкой, но в ходе диалога стало понятно, что ни о какой «разморозке», а уж тем более «перезапуске отношений» между Москвой и Эр-Риядом речи быть не может. Но, самое интересное, это то, что буквально через несколько дней после визита 10 российских истребителей Су-25К, приземлились в Ираке для нанесения ударов по финансируемым Саудовской Аравией отрядам террористов из Исламского государства Ирака и Ливанты. Давненько такого не было. Это вполне достойное начало «принуждения к миру» Королевства, отказавшегося от мирного диалога, предложенного Москвой.

Июнь нынешнего года поставил своеобразный рекорд по количеству контактов России и Саудовской Аравии на самом высоком уровне. Президент Владимир Путин сначала провел телефонные переговоры с королем Абдаллой, а затем принял в своей сочинской резиденции главу саудовского МИДа Сауда аль-Фейсала. Не ниже был и уровень, на котором принимали российского министра иностранных дел — тот же Сауд аль-Фейсал, наследный принц Салман Абдель Азиз и одна из ключевых, пожалуй, фигур правящей династии — заместитель наследника престола и он же — второй заместитель председателя Совета министров королевства 67-летний принц Мукрин, младший из поныне живущих сыновей основателя государства, короля Абдул-Азиза ибн Абду-Рахмана ибн Фейсал Аль Сауда.

Визит Сергея Лаврова в Джидду, где и проходили все официальные встречи, готовился давно. Эр-Рияд — один из главных поджигателей конфликтов на Ближнем Востоке, один из основных кукловодов и спонсоров исламского экстремизма. Именно саудиты являются ведущей силой, которая реализует на Востоке американский сценарий «суннито-шиитского конфликта», под прикрытием которого США стремятся обеспечить контроль за регионом, а Эр-Рияд — сохранить за собой лидерство в исламском мире. Но сроки этого давно готовившегося визита были существенно сдвинуты из-за событий в Ираке, поэтому визит вполне можно назвать экстренным.

Плановая повестка переговоров, которые намеревался провести Сергей Лавров, включала в себя достаточно широкий круг вопросов, обсуждение которых было резко свернуто еще несколько лет назад: от двустороннего сотрудничества в сфере энергетики, в том числе атомной, до инвестиционных проектов, и даже такой экзотики, как участие саудитов в российских космических программах. По большому счету, пакет предложений, который готовил российский МИД, был своеобразным «пряником» для саудовской династии, поскольку «кнут» Москва в свое время Эр-Рияду уже показала, предупредив накануне олимпиады о серьезных последствиях, которые по-

следуют для Королевства, если финансируемые им экстремисты в России попытаются сорвать Сочи-2014. Столь же последовательную и жесткую позицию российское руководство заняло и в иранском, и в сирийском вопросах, наотрез отказавшись обсуждать с саудитами возможные «уступки» Москвы в поддержке борьбы Дамаска против антисирийской коалиции, финансируемой Эр-Риядом, и в дипломатической работе по урегулированию режима «калечащих санкций», введенных против Тегерана. Это трудно было представить еще пару лет назад, но тот же «иранский фактор», то есть партнерские обязательства нашей страны перед Тегераном, сегодня имеют для российской внешнеполитической линии на Ближнем Востоке серьезное значение. И жертвовать ими в угоду интересам саудитов и США Москва, как показали проведенные Сергеем Лавровым переговоры, не собирается.

Непотопляемый авианосец «Аравия» снова в строю

После того, как в начале года Владимир Путин весьма жестко «осадил» саудитов, Вашингтон откровенно побаивался прямых переговоров Москвы и Эр-Рияда. Аравийская династия, мягко говоря, негативно относится к ближневосточной политике нынешней администрации США. Своей «двуличностью», по мнению королевского дома, в сирийском и иранском вопросах, Обама довел саудитов буквально до бешенства, вынудив их официальных представителей наплевать на нормы дипломатического приличия и прямо обвинить американского президента в тотальном предательстве, в сдаче всего — интересов США на Ближнем Востоке, безопасности аравийского «непотопляемого авианосца» и «доверившихся Америке сирийских борцов против кровавого режима». А отсюда, как вы понимаете, совсем недалеко и до того, чтобы сыграть с Вашингтоном свою, не менее двуличную игру.

Но после отлета из Джидды Сергея Лаврова в Белом доме вздохнули с облегчением — Эр-Рияд «не подкачал», намерения саудитов и дальше оставаться «тараном» американской ближневосточной политики остались неизменными. «На радостях» Джон Керри, посетивший Саудовскую Аравию, что называется «по горячим следам», демонстративно провел там встречу с «лидером сирийской оппозиции» содержателем саудитов Ахмедом Джарбой и всячески его обладал, заявив, что возглавляемая им умеренная оппозиция может сыграть ключевую роль в борьбе с группировкой Исламского государства Ирака и Леванты (ИГИЛ), ведущей вооруженную борьбу в Ираке и Сирии. А Барак Обама слова Джона Керри поддержал практическими шагами, запросив в Конгрессе полмиллиарда долларов «на обучение и предоставление необходимого оборудования представителям сирийской оппозиции».

Столь демонстративные жесты и Керри, и Обамы, которые, по мнению ряда американских комментаторов, «могут стать самым значительным шагом, который предприняли США для поддержки противников президента Башара Асада», разумеется, предназначались не Джарбе. Своих марионеток Вашингтон не балует, и действительными адресатами этого действа были Москва и Эр-Рияд. России Вашингтон показал, что его стратегическое партнерство с аравийскими монархиями крепко как никогда, и любые инициативы Москвы по налаживанию диалога с саудитами обречены на провал.

Ну, а Эр-Рияду Вашингтон продемонстрировал, что колебания отброшены, что США намерены и дальше активно вмешиваться в события на Ближ-

нем Востоке. Американский истеблишмент, ЦРУ, Пентагон, саудовское и израильское лобби, американские военные промышленники и транснациональные корпорации «дожали» и Обаму, и Керри. Сторонники агрессивного курса, «ястребы», победили и в Белом Доме, и в Конгрессе, а следовательно непотопляемый авианосец «Аравия» вновь находится на направлении главного удара.

Бьем по Ираку — попадаем в Дамаск, бьем по Дамаску — попадаем в Тегеран

Никакой «перезагрузки» или «размораживания» в российско-саудовских отношениях быть не может. Наши цели на Ближнем Востоке антагонистичны, и Ирак показал это как нельзя более ярко. Кризис в Ираке стал настоящим подарком для одряхлевшей саудовской династии, балансирующей на грани полного провала и утраты авторитета в исламском мире. Ее главный соперник в регионе, Тегеран, виртуозной дипломатической игрой добился выхода из международной изоляции, а значит вновь способен к наступательной внешней политике, к реализации концепции «исламского Пробуждения», которая для монархий Персидского залива означает только одно — утрату власти. Сегодня у саудитов появился шанс втянуть Иран в долгосрочный конфликт за сохранение шиитских святынь в Ираке и за обеспечение безопасности тех же иракских шиитов. И отработать этот шанс они готовы на все сто, а то и двести процентов, подбрасывая в ближневосточный пожар миллиарды долларов.

Хотя, финансирование «исламистов» — занятие вполне прибыльное. Иракские мятежники по итогам наступления контролируют сегодня два основных нефтепровода — один, снабжающий Сирию, другой — идущий в турецкий Джейхан. Первый, как очевидно, блокирован, что спровоцировало в Сирии перебои с электричеством. А второй — очень даже себе нормально функционирует при помощи транснациональной нефтяной компании АРАМКО, акционеры которой — из США и Саудовской Аравии. Так что ни один нефтедоллар, вложенный в сирийскую оппозицию и иракских мятежников, не пропадет, и Вашингтон, и Эр-Рияд возместят свои потери продажей краденной нефти.

Саудиты жиреют на крови и мародерстве, а следовательно им не нужны никакие экономические проекты от России, им не нужен диалог с Ираном, поскольку прибыль от честной работы всегда ниже, чем от войн и грабежей. В иракском кризисе Саудовская Аравия увидела возможность и поживиться, наконец-то разделаться с ненавистной Сирией, а следовательно серьезно навредить Тегерану и Москве. Поэтому с таким энтузиазмом и участвует в этом конфликте, потеряв способность адекватно оценивать ситуацию.

Тем более, что шиитское правительство Нури аль-Малики в Ираке давно уже занесено Эр-Риядом в черный список. Еще в 2009 году король Саудовской Аравии Абдалла высказал мнение, что Нури аль-Малики является «иранским агентом», а его правление «открыло дверь для иранского влияния в Ираке». С учетом маниакальной саудовской иранофобии данное заявление было равносильно приговору, вынесенному иракскому премьеру со стороны суннитского монарха. И хотя прямых доказательств не обнаружено, но в экспертных кругах существует убеждение, что саудиты при посредничестве

представителей республиканской партии США еще в августе 2007 оплатили долгосрочный контракт с американской компанией «Барбур, Гриффит и Роджерс» на предмет ведения информационной войны против аль-Малики и его правительства.

Не хотят — заставим!

Антисирийская, антишиитская и, в конечном итоге, антииранская направленность саудовской политики всегда была достаточно очевидна. Но проблема для Эр-Рияда заключается в том, что слепо идя вслед за Вашингтоном, он не заметил серьезных изменений в регионе. Сохранение Сирии — это совместная операция Москвы и Тегерана. Удар по Ираку существенно затрагивает интересы и Тегерана, и Москвы, и Пекина, третьего участника альтернативного американскому курсу по стабилизации Ближнего Востока.

В Джидде Сергей Лавров жестко говорил с руководством Королевства не только от лица России, он предостерегал неадекватных политиков от лица той части международного сообщества, которой надоело «переформатирование» стран и регионов, затеянное Вашингтоном и осуществляемое их стратегическими партнерами, клиентами и вассалами. Россия вела диалог открыто и честно: «Если вы готовы к партнерству, если вы готовы отказаться от агрессивных планов в отношении российских интересов и интересов наших партнеров в регионе, мы можем предложить вам широкомасштабную программу взаимовыгодного сотрудничества». Не вина Сергея Лаврова в том, что саудиты сделали иной выбор. В любом случае, российский министр иностранных дел получил очень неплохой результат — всему миру было представлено истинное лицо одряхлевшей династии, ради сохранения власти готовой утопить весь регион в крови, да еще и нажиться на этом.

Для остального мира значение переговоров Сергея Лаврова в Джидде заключается еще и в том, что со всей очевидностью еще раз было доказано — нет никакого суннито-шиитского конфликта, который, якобы, всю нестабильность на огромном пространстве от Персидского залива до Пакистана и объясняет. Есть американский сценарий «управляемого хаоса», в котором саудитом отведена роль финансистов псевдорелигиозных конфликтов, под прикрытием которых Вашингтон стремится сохранить регион, а саудиты стремятся остаться на вершине власти и нанести удар по своему главному сопернику — Тегерану.

«Так, стало быть», — скажет скептик, — «саудиты отвергли все предложения Москвы. И каким теперь будет ответный российский ход?» Очевидно, что Ирак сегодня в эпицентре событий. Именно через Ирак США, саудиты и их союзники пытаются нанести сегодня максимальный ущерб интересам Москвы и Тегерана на Ближнем Востоке. И ответ на эти действия уже последовал. Десять «сушек», российских истребителей Су-25К, приземлившихся вчера на несколько иракских аэродромов, готовы для нанесения ударов по финансируемым Саудовской Аравией отрядам ИГИЛ. Это вполне достойное начало «принуждения к миру» Королевства, отказавшегося от мирного диалога, предложенного Москвой.

Редакция приглашает к сотрудничеству политиков, экспертов и читателей, которые разделяют цели и задачи журнала и полагают, что их материалы могли бы внести вклад в формирование у российской и зарубежной аудитории объективного, реалистичного представления о современном Иране, его внутренней и внешней политике.

Более подробно об условиях сотрудничества смотрите на сайте журнала www.siran.ru. Ждем Ваших авторских статей по адресу info@siran.ru

